
КОГДА
ПРОСНУТСЯ
ОГНИ

Диана Эверли

Когда проснутся огни

«Автор»
2026

Эверли Д.

Когда проснутся огни / Д. Эверли — «Автор», 2026

В долине Астэр сады хранят солнечное тепло для долгой зимы. Но однажды ботаник Мара замечает: кристаллические растения остывают быстрее положенного. Если она не найдёт причину, целый квартал останется без тепла, а его жители — без урожая.Помочь ей способен инженер Арсен Рейн. Два года назад Мара подписала отчёт, после которого он потерял работу, и теперь у него нет причин ей доверять. Но под городом исчезает тепло, а влиятельный предприниматель уже предлагает дорогую замену общему запасу.Пока дни становятся короче, Маре и Арсену придётся искать правду среди холодных садов и старых труб - и решать, могут ли люди, однажды причинившие друг другу боль, снова стать друг другу нужны.

© Эверли Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. дом, в котором гаснет свет 6
Глава 2. человек у заслонки 14
Глава 3. цена одной подписи 28
Глава 4. когда меркнут кристаллы 44
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Диана Эверли
Когда проснутся огни

Когда проснутся огни
Романтическое фэнтези

Глава 1. дом, в котором гаснет свет

В тот день, когда сад впервые солгал ей, Мара отогрела чужого ребёнка своим дыханием.

Девочка стояла у ворот теплицы без перчаток и держала в ладонях маленький глиняный горшок. На носу у неё выступил белый иней. Мара сначала приняла его за муку: по утрам дети часто забегали сюда из пекарни на площади, оставляя на полу белые следы. Но ребёнок не улыбался, а растение в горшке потемнело до корней.

— Ты откуда? — спросила Мара.

— Из Седьмого двора. Бабушка сказала спросить, почему к нам не приходят.

Она говорила медленно, словно выбирала слова не по смыслу, а по тому, сколько тепла они требуют. Мара присела, накрыла её руки своими и поднесла к губам. Кожа была холодная, но не бесчувственная. Девочка отдёрнула пальцы.

— Бабушка говорит, нельзя давать их чужим.

— Бабушка права. Можно я принесу тебе варежки?

Девочка кивнула. Мара протянула ей шерстяную пару, всегда висевшую у дверей для забывчивых посетителей, и только потом взяла горшок. На его ободке стояла печать городского союза: растение выдали по программе домашнего тепла. Точнее, оно должно было только показывать температуру обратной линии. Когда линия остывала, листья сворачивались. Чёрных листьев Мара прежде не видела.

В самой теплице было тепло. Кристаллические чашечки на высоких стеблях за день поймали солнце и теперь светились приглушённым мёдом. По медным трубам под настилом текла нагретая вода. Датчик на стене показывал исправную подачу в северную ветвь: стрелка уверенно стояла между двумя зелёными рисками.

— Как тебя зовут?

— Лин.

— Лин, сколько дней у вас холодно?

— Сегодня четвёртый. Вчера вода в тазике стала стеклянной. Бабушка сказала не трогать.

Мара посмотрела на дату в журнале. Четыре дня назад сад закрылся на вечер с запасом выше нормы. На следующий день измерения тоже были в порядке. Так записала Сильва, её наставница. Мара не сомневалась в аккуратности её руки; сомневаться приходилось в том, что показывали приборы.

Она набросила на девочку куртку и отвела к печи в комнате хранителей. Там дежурный нагрел молоко, а Мара заполнила карточку аварийного обращения. Пункт о температуре в доме она оставила пустым: нужно было измерение, а не догадка. Сильва появилась, пока Мара застёгивала на горшке переносной кожух.

— Стрелка северной линии в норме, — сказала Мара.

— Я вижу.

Сильва долго работала с садами и редко повышала голос. В тот раз она заговорила ещё тише обычного, и Мара поняла: дело серьёзнее испорченного датчика.

— Вчера я проверяла её вручную. У входа в квартал температура была достаточной.

— А в самих домах?

Сильва помедлила.

— Я не успела пройти все дворы.

Они одновременно посмотрели на Лин. Девочка осторожно грела пальцы о кружку, не касаясь горячего металла. Она прислушивалась к ним и делала вид, что нет.

— Я пойду с тобой, — сказала Мара.

— Ты сегодня должна измерять корни на южной гряде.

— Кто-то замерзает не на южной гряде.

— Поэтому я пойду с тобой, — повторила Сильва. — И нам нужен инженер.

Она назвала имя, и Мара выпрямилась так быстро, что задела подвешенный термометр.

— Другого нет?

— Есть двое, но они на восточной линии. Арсен Рейн уже осматривает северный узел.

Имя прозвучало спокойно. Мара заметила, как трудно не придать ему собственной памяти: мокрый воротник, стопка отчётов на столе комиссии, его подпись под объяснением, которое никто не пожелал читать до конца. Два года назад она поставила свою подпись на другом листе. И инженер лишился работы.

— Я не знала, что он вернулся.

— Он вернулся на временный договор. Нам нужны его руки и его знания, Мара. Не требуй, чтобы я делала вид, будто выбор большой.

— Я ничего не требую.

— Ты ещё ничего не сказала. У тебя очень выразительное молчание.

Сильва закрыла журнал. Мара взяла сумку с термометрами и глиняный горшок в кожухе. Если бы стрелка не показывала норму, всё было бы проще: они нашли бы неисправность и вызвали ремонтников. Но стрелка продолжала стоять на месте. Она обещала тепло людям, у которых четыре дня замерзала вода.

— Лин, — сказала Мара. — Мы пойдём к тебе домой. Ты покажешь дорогу?

— Покажу. А вы точно придёте?

Она не спросила, почему взрослые не узнали раньше. От этого вопроса, которого девочка не произнесла, Мара почувствовала себя ещё хуже.

— Уже идём.

На улице рано сгущались сумерки. Над Астэром висело бледное солнце, и кристаллы на крышах отражали его последние лучи в заледеневшие окна. От сада по улицам расходились медные линии — одни открытые, украшенные кольцами и эмалированными табличками, другие спрятанные под землёй. Мара знала, сколько тепла вошло в северную ветвь. К вечеру ей предстояло узнать, куда оно делось.

До моста оставалось пройти через старый рынок. Утром здесь продавали хлеб, ткань и крепления для садовых решёток, а к вечеру палатки закрывали и под навесом оставались только те, кто не успел свернуть товар. Сегодня торговля закончилась раньше обычного: ветер загонял снег под прилавки, и хозяева спешили завернуть всё, что могло отсыреть.

Лин шла между Марой и Сильвой, крепко держа края чужих варежек. Ноги у неё были короткие, и на длинных прямых она переходила почти на бег, чтобы не отставать. Мара предложила замедлиться, но девочка покачала головой:

— Бабушка будет ждать.

— Она ждёт тебя, — сказала Сильва. — Значит, нам нужно прийти так, чтобы ты могла потом подняться по лестнице. У нас есть время остановиться на минуту.

— А у бабушки?

Сильва не стала говорить, что у бабушки тоже есть время. Она посмотрела на дорогу, потом на Мару.

— Мы остановимся только если тебе понадобится. Ты скажешь?

Лин кивнула.

У закрытой лавки с верёвками женщина в пуховом платке складывала на сани длинные бамбуковые жерди. Она уже связала половину, но вторая связка не помещалась под верёвкой. Мара узнала Оду — хозяйку ремесленной мастерской при саде. Когда-то та делала лёгкие каркасы для защитных полотен и брала плату не только деньгами: часть работы сад оплачивал растениями для зимнего сада её соседей.

— Мара! — окликнула она. — Ты мне как раз нужна.

— Мы идём в Седьмой двор.

Ода увидела Лин и сразу опустила жерди на сани.

— Тогда не задерживаю. Только передай Сильве: я не успела доделать каркасы для южной стены. Завтра закончу, если не закроют дорогу.

— Я здесь, — сказала Сильва.

— Вот и прекрасно. А я подумала, что ты опять оделась как обычный человек и решила от всех скрыться.

Наставница погладила край своего простого тёмного пальто.

— Я надеялась хоть раз пройти через рынок без почестей.

— Почести закончились к обеду. Остались только жерди.

Лин оглядела связки.

— Они как длинные удочки.

— На них можно ловить ветер, — ответила Ода. — Если правильно прикрепить ткань.

Мара заметила, что сани стоят на уклоне. Ода упёрла полоз в камень, но под ним уже таяла тонкая прослойка снега. Если она отпустит тележку и начнёт завязывать вторую связку, сани могут сдвинуться к дороге.

— Я придержу, — сказала Мара.

— Мы спешим, — напомнила Лин.

— Одну минуту. Ты можешь считать, если хочешь.

Девочка вздохнула с важным видом человека, которому поручили непростую задачу, и начала отсчитывать. Мара опёрлась коленом о край саней. Ода быстро пропустила верёвку под жердями, перекрестила два конца и затянула узел. Сильва тем временем предложила передвинуть сани на более ровный участок у стены. Вместе они сделали это за несколько движений.

— Двадцать восемь, — объявила Лин.

— Ты справилась быстрее меня, — сказала Ода Маре.

— Я только держала.

— Ветер тоже только дует. Результаты, однако, заметны.

Ода достала из кармана маленькую катушку тонкой зелёной ленты и протянула Лин.

— За точный счёт. Можно перевязать что-нибудь важное.

Лин посмотрела на Сильву, потом на Мару. Когда обе кивнули, она взяла катушку и спрятала в карман куртки.

— Я перевяжу банку с пуговицами, — сказала она. — Бабушка всё время забывает, где она стоит.

— Тогда выбери место, которое она сама одобрит, — заметила Ода. — Иначе она будет искать уже не банку, а ленту.

Они попрощались. За палатками открылся проход к старой арке, через которую раньше выносили товар прямо к каналу. Здесь ветер был слабее, и Лин наконец перестала придерживать воротник. Сильва поправила на ней куртку Мары; та была слишком велика, рукава почти закрывали варежки.

— У тебя когда-нибудь был свой сад? — спросила девочка.

— Мой личный? Нет. Я работаю в городском.

— Но цветы ты там сажаешь.

— Да. Это немного как готовить на общей кухне. Ты можешь выбрать кастрюлю и нарезать овощи, но кухня от этого не становится твоей.

Лин задумалась.

— А если кастрюля моя?

— Тогда кастрюля твоя. Но не плита и не место у окна.

— У нас одна большая кастрюля. Бабушка говорит, что каждый в доме имеет право сварить в ней суп.

— Хорошее правило, — сказала Сильва.

— Только нельзя одновременно. Однажды тётя с первого этажа положила туда лук, а сосед принёс яблоки.

— И что получилось?

— Бабушка сказала, что надо было сначала договориться.

Мара улыбнулась. Городской сад действительно часто напоминал ей общую кухню: одному хотелось сохранить запас для морозной ночи, другому — отдать больше прямо сейчас; кто-то предлагал использовать маленький участок для опытов, кто-то боялся, что опыт займёт место у уже знакомых растений. Самое трудное состояло не в том, чтобы найти красивое правило. Нужно было сделать так, чтобы человек из Седьмого двора мог прийти и спросить, почему правило не работает у него дома.

За аркой дорога поворачивала к каналу. На стене старого зернового склада висела металлическая пластина со стёртым рисунком солнца. Мара провела по ней перчаткой и вспомнила лето, когда городские ученики расписывали дорогу от рынка до сада. Тогда пластина была новой и очень блестящей; художники попросили не касаться её до вечера.

— Почему ты остановилась? — спросила Сильва.

— Вспомнила, как мы её ставили. Арсен тогда принёс стремянку, которая не помещалась под аркой.

Наставница усмехнулась.

— Она помещалась. Он поставил её не с той стороны.

— Он сказал, что проверяет, сколько места останется для прохода.

— Конечно. Очень научная проверка.

Лин, заинтересовавшись, подняла голову.

— А потом?

— Потом мы переставили стремянку и закрепили пластину, — сказала Мара.

— И всё?

— Для того дня было вполне достаточно.

Но она помнила другое. Когда краска высохла, они с Арсеном остались у арки, чтобы убрать инструменты. Город шумел у рынка: кто-то смеялся, кто-то спорил из-за того, кому достанется последний кусок пирога, ветер трепал бумажные флажки. Арсен поставил стремянку у стены и сказал, что новый знак слишком легко заметить.

— Разве не для этого его повесили? — спросила она тогда.

— Для этого. Просто теперь никто не скажет, что не нашёл дорогу в сад.

— И тебе не придётся проводить каждого лично.

— Некоторых я бы проводил.

Он не смотрел на неё, когда произнёс это. Проверял, закрыт ли ящик с инструментами. Мара ответила что-то смешное, и он засмеялся. Она уже не помнила своих слов, но помнила, как поздно вечером увидела тонкую синюю полоску краски у него на шее и захотела убрать её пальцем. Не убрала. Не потому, что он не позволил бы, — тогда они ещё не спрашивали друг друга о таких вещах. Ей просто показалось, что прикосновение сделает намерение слишком явным.

Потом были работа, ночные замеры, открытые окна мастерской и бесконечные разговоры о том, как изменить сеть, чтобы людям в нижних домах не приходилось ждать дольше остальных. После комиссии их дороги разошлись так резко, будто кто-то закрыл между ними дверь. А на самом деле никакой двери не было: были её молчание, его отъезд и много дней, в которые каждый мог написать первым.

— Ты о чём? — спросила Лин.

— О том, как мы спорили, с какой стороны ставить стремянку.

— И кто выиграл?

Мара посмотрела на пластину.

— Никак не могу вспомнить.

— Значит, никто, — уверенно сказала девочка.

На мосту их встретил мужчина с тележкой, нагруженной пустыми клетками. Дорога стала уже: с одной стороны к перилам намерзла полоса снега, с другой стояли люди, обсуждавшие закрытие рынка. Мужчина остановился и попросил пропустить его первым.

— В клетках кто-то есть? — спросила Лин.

— Пока нет. Я везу их в мастерскую. Весной отвезём птиц к реке, когда их можно будет выпустить.

— Тогда можно пропустить, — решила девочка. — Птицы не виноваты, что клеток нет дома.

Он вежливо поблагодарил её за разрешение и повёл тележку. Мара заметила, как неровно вращается колесо. Он заметил её взгляд и сказал:

— Я знаю. Оно выдержит до мастерской. Мастер уже ждёт.

— Я не собиралась предлагать ремонт.

— У всех такое лицо, когда смотрят на это колесо.

— Возможно, стоит нарисовать на нём улыбку. Тогда люди будут думать о другом.

Мужчина посмотрел на колесо, словно всерьёз оценивал возможность, и ответил:

— Боюсь, улыбка тоже начнёт вращаться неровно.

Когда он прошёл, дорога неожиданно опустела. Люди с перил переместились к торговой повозке на другом берегу; на канале проступала чёрная вода там, где течение не давало ей замёрзнуть. Сильва остановила Лин на безопасном расстоянии от края и застегнула ей ворот.

— Нам далеко? — спросила девочка.

— За мостом свернём налево. Затем ещё один поворот и двор, — ответила наставница.

Лин посмотрела на тёмную воду.

— Бабушка говорит, в ней спит солнце.

— В воде отражается небо, — сказала Мара. — Но ты можешь представлять, что оно там отдыхает.

— А если солнце устало от всех просьб?

Мара не сразу нашла ответ. Она слишком хорошо знала, как жители смотрят на сад после неудачной ночи: будто солнечные часы можно уговорить длиться дольше, если попросить правильным голосом.

— Тогда мы должны лучше делиться тем, что оно уже дало, — сказала она.

— А ещё можно дать ему пирог, — предложила Лин.

— Это верный способ помириться почти с кем угодно, — согласилась Сильва.

Лин просунула руку в карман и проверила катушку ленты. Она была на месте. Мара подумала, что сама тоже иногда делает подобное: касается в сумке знакомого предмета, когда дорога кажется длиннее, чем должна быть. Не ради вещи — ради уверенности, что часть утра до сих пор с ней.

Они перешли мост. На другой стороне город снова загудел: послышались голоса у торговых саней, перестук деревянных полозьев и чей-то настойчивый спор о праве проехать первым. Мара подтянула ремень сумки и пропустила Лин вперёд, оставив себе сторону дороги, по которой двигался груз.

За мостом дорогу перегородила длинная вереница саней. Одни были нагружены бочками, другие — деревянными ящиками; между ними застряла низкая повозка с вывеской кукольного театра. Над повозкой качалась расписная луна. Когда ветер поворачивал её к свету, на лице луны появлялась трещина — от глаза до нарисованной улыбки.

— Почему они стоят? — спросила Лин.

— Сейчас узнаем, — сказала Мара.

Сильва оставила девочку рядом с собой. Мара подошла к первой повозке. Её хозяин, бородатый мужчина в войлочной шапке, проверял ремень упряжи. Лошадь переступала на месте и косилась на луну так, будто та была живой и могла в любой момент двинуться навстречу.

— На повороте снег сошёл с крыши, — объяснил мужчина. — Проход расчищают, но одну телегу развернуло поперёк. Пока её не уберут, никто не проедет.

— Пешком пройти можно?

— Справа вдоль стены. Осторожно: там после оттепели лёд.

Он поднял руку и показал на узкую дорожку, зажатую между домом и санями. Сверху свисали тяжёлые снежные карнизы. Мара вернулась к Сильве, и они повели Лин вдоль стены. Девочка держалась за длинный край шарфа наставницы, как за поручень. Мара шла первой, проверяя, где подошва цепляется за снег, а где под ним начинается гладкий лёд.

У кукольной повозки кто-то громко заспорил. Маленький мальчик в полосатой шапке тянул взрослого за рукав.

— Мама сказала не идти без неё.

— Я только перенесу тебя через лужу. Видишь? Вот туда, к тёплому подъезду.

Мальчик стиснул челюсти и не двинулся. Взрослый, молодой человек в жилете кукольного театра, устало оглядел очередь и заметил Сильву.

— У нас здесь ребёнок потерялся. Его мать пошла узнать, когда расчистят поворот. Я хотел отвести его в подъезд, пока ноги не замёрзли, а он не верит, что я не собираюсь унести его с собой.

— Мама не говорила идти в подъезд, — упрямо повторил мальчик.

Лин шепнула Маре:

— Это правильно. Бабушка тоже говорит никуда не уходить.

Мара присела перед мальчиком так, чтобы не заслонять от него дорогу.

— Как тебя зовут?

— Савик.

— Савик, ты знаешь, во что одета мама?

— В красную шапку. И у неё сумка с птицей. Она обещала, что мы посмотрим луну.

Он кивнул на большую расписную луну над повозкой. Та как раз повернулась к нему обратной стороной: без лица, с деревянными поперечинами и куском верёвки.

— Тогда мы скажем ей, что ты ждёшь здесь. Ты сможешь постоять с Лин и Сильвой? Они никуда не уйдут, пока я ищу твою маму.

— А если она придёт, когда вы уйдёте?

— Я буду искать вдоль очереди. Если вы встретитесь, помаши мне или попроси кого-нибудь позвать.

Савик посмотрел на Лин. Та подняла руку в большой чужой варежке.

— Я тоже жду, — сказала она. — Только мы потом пойдём к моей бабушке.

— А луну возьмёте?

— Она большая.

— Моя мама говорит, большую вещь тоже можно унести, если разобрать.

Мальчик встал рядом с Лин. Сильва присела у стены, чтобы слышать их обоих, и поправила ворот его пальто. Молодой человек из театра снял с повозки сложенное одеяло и укрыл им детей вместе. Савик тут же высунул руку проверить, видна ли луна.

Мара пошла вдоль саней. Поворот действительно перегородила телега с мешками; одно её колесо попало в выщерблину под снегом. Двое рабочих пытались поднять ось, но каждый раз дерево соскальзывало с металлического ломика. За ними женщина в красной шапке спорила с дворником.

— Я не прошу вас открыть дорогу для меня одной, — говорила она. — Мой ребёнок остался у театра, а люди стоят плотной стеной.

— Он с кем?

— Я оставила рядом с повозкой, там были артисты. Сказала не уходить.

— Он и не уходит, — вмешалась Мара. — Его зовут Савик? Он с моей наставницей и девочкой из Седьмого двора. Ждёт вас у расписной луны.

Женщина резко обернулась.

— Он не плачет?

— Пока спорит о том, можно ли разобрать луну и унести её с собой.

Женщина выдохнула. Потом заметила, как один из рабочих снова приподнял телегу, и машинально подставила плечо под край кузова. Дворник попросил её отойти: если мешки сдвинутся, достанется всем.

— Я могу помочь? — спросила Мара.

— Если есть перчатки и не страшно испачкаться, — ответил рабочий. — Нам надо разгрузить два мешка, чтобы поднять ось. Но погонщик ушёл за санями, а без него я не знаю, куда их складывать.

Женщина в красной шапке оглянулась на очередь.

— Савик останется на месте?

— Сильва рядом. Он дал слово.

— Тогда покажите, за какой край брать.

Они перенесли мешки к стене, подальше от дороги. Внутри оказались не мука и не уголь, а пустые стеклянные бутылки: каждая тихо звякала о соседнюю. Дворник нашёл широкую доску, подложил её под колесо. Теперь телегу удалось приподнять, но поворот оставался скользким. Один из рабочих посыпал его песком из стоявшего у стены ящика, и лошадь осторожно вытянула груз на ровное место.

Люди в очереди зааплодировали — не торжественно, а с тем облегчением, с каким встречают движение, которое уже перестали ждать. Дворник поднял ладонь:

— Не все сразу! Сначала освободите место для тех, кто пешком.

Мара помогла женщине в красной шапке протиснуться обратно. Савик увидел мать раньше, чем она успела позвать, и побежал к ней. Одеяло соскользнуло на снег. Лин подняла его за край, но удержать всё целиком не смогла; артист театра подхватил второй угол.

— Я не ушёл, — с гордостью сообщил Савик матери. — А мы подумали: луну можно отвезти на трёх санках, если снять её с палки.

— На четырёх, — поправила Лин. — На трёх она перевернётся.

Женщина поблагодарила Сильву и молодого человека из театра. Савик не отпускал её руку. Когда люди начали двигаться, артист закрыл лицо луны тканью: лошадь передней повозки перестала коситься назад.

— Вы не слишком задержались из-за нас? — спросила женщина Мару.

— Нам всё ещё нужно в Седьмой двор. Но дорога теперь свободна.

Она не сказала, что каждая минута в тепле значила для Лин и её бабушки. Женщина и так пыталась извиниться за то, что попросила помощи. Мара знала: нельзя требовать от людей правильного выбора каждую минуту, особенно когда они боятся за ребёнка.

Они прошли поворот и свернули в сторону нижней улицы. Здесь снега было меньше: дома защищали дорогу от ветра, а с крыш свисали длинные серые сосульки. Сильва попросила идти ближе к наружному краю, где на стенах не было козырьков.

Лин всё ещё оглядывалась на скрывшуюся повозку.

— Я ни разу не была в театре, — сказала она. — Бабушка обещала, когда я стану достаточно большой, чтобы сидеть тихо.

— Ты умеешь сидеть тихо, — ответила Мара.

— Я умею. Но если у куклы отвалится рука, я должна буду ей сказать.

Сильва засмеялась. Лин повернулась к ней, удивлённая, будто не ожидала, что взрослый хранитель сада способен смеяться посреди дороги.

— Иногда артисты сами замечают, что рука отвалилась, — сказала Сильва.

— А если нет?

— Тогда можно сказать после представления.

— А если кукла обидится, пока ждёт?

Мара вспомнила расписную луну с трещиной и человека, который укрыл детей, хотя мальчик отказался идти с ним. Она не знала, что ответить на вопрос, где забота заканчивается и начинается нетерпение. За последние дни взрослые вокруг неё тоже торопились решить за других, какая помощь им нужнее.

— Наверное, можно сначала спросить, нужна ли ей помощь, — сказала она.

— У куклы?

— У артиста, который её держит.

Лин серьёзно обдумала это и кивнула.

За поворотом у линии стоял знак городской службы. Мара подтянула ремень сумки, а Лин крепче взяла Сильву за руку. Они почти дошли.

Глава 2. человек у заслонки

Арсен стоял на коленях у открытого узла, когда они пришли. Он снял крышку с канала и положил рядом инструменты в том порядке, в каком собирался их брать. Старая привычка, подумала Мара, и тут же разозлилась на себя: она имела право помнить эту привычку, но не делать вид, что знает человека целиком.

Он поднял голову на шаги. На миг его взгляд остановился на ней, потом перешёл к Лин и горшку.

— Седьмой двор? — спросил он.

— Да, — ответила Сильва. — У них холодно четвёртый день. У входа температура в норме.

— У входа, — повторил Арсен. — А дальше не обязательно.

Он предложил девочке присесть на ящик. Лин отказалась: сказала, что покажет дорогу до конца. Арсен не стал спорить, только достал из кармана сухарь и спросил, можно ли угостить. Девочка посмотрела на Мару. Та кивнула. Лин взяла сухарь и спрятала половину в карман.

— Для бабушки, — объяснила она.

За открытой заслонкой вода двигалась медленно. Арсен опустил в неё прибор на длинной ручке и подождал. Стрелка дрогнула.

— Здесь тепло есть. Но расход меньше расчётного.

— Утечка? — спросила Мара.

— Возможно. Или кто-то прикрыл следующую задвижку. Или забилась труба. Я пока вижу только то, что вижу.

— Я не утверждала, что это утечка.

— Ты спросила. Я ответил.

Сильва посмотрела на них обоих и закрыла крышку своего прибора. Арсен поднялся. Мара помнила его в синей куртке службы каналов и с золотой нашивкой мастера. Теперь нашивки не было. На рукаве тёмного пальто остался светлый прямоугольник, где её отпороли.

Седьмой двор занимал низину между старыми домами. Трубы здесь проходили в подвалах, а не по фасадам: строители когда-то решили, что так меньше тепла уйдёт в воздух. Подвалы были общими, и ключ от каждого хранился у старшей по дому. Бабушка Лин открыла дверь в первом подъезде. Её звали Иара. Она стояла у порога в двух платках и держала в руках список квартир.

— Я отметила, у кого дети и у кого вода замёрзла, — сказала она. — Если не успеете ко всем, начните сверху.

— А вы? — спросила Сильва.

— Я могу ходить. Те, кто наверху, не могут.

Арсен попросил ключ от подвала. Иара протянула связку, но перед тем как отпустить, спросила:

— Вы же не запишете, что у нас всё было в порядке?

Мара ответила раньше него:

— Нет. Мы запишем то, что измерим здесь.

Иара отпустила ключи.

С чердака донёсся треск. Иара подняла голову, и связка ключей в её руке тихо ударилась о перила.

— Опять ставню сорвало, — сказала она. — Мы её вчера привязали. Лин, стой здесь.

Девочка послушно отступила к стене, но не выпустила край бабушкиного платка. Сверху заскрежетало снова, на этот раз дольше. На площадку посыпалась белая крошка извести.

— Там кто-нибудь есть? — спросил Арсен.

— Я попросила соседа закрыть окно. Он видел, как ставня стучит, обещал проверить. Только дверь с улицы теперь заедает.

Иара поморщилась, как человек, которому стыдно сообщать ещё одну проблему после всех предыдущих. Арсен положил инструменты на ступеньку.

— Покажите, какая дверь.

— Я сама, — сказала она.

— Вы знаете, как она устроена. Мне пригодится.

Это прозвучало не как уступка и не как способ отправить пожилую женщину подальше от лестницы. Иара повела его через двор, где под сапогами хрустел снег, смешанный с золой. Мара осталась рядом с Лин и Сильвой. Сверху всё ещё доносился скрежет; между звуками слышалось тихое царапанье, будто кто-то пытался отодвинуть тяжёлый предмет.

Сильва осторожно постучала по стояку. В ответ что-то звякнуло в стене.

— Они разберутся? — спросила Лин.

— Постараются, — ответила Мара. — Как зовут вашего соседа?

— Матвей. Он чинит игрушки.

— Все игрушки?

— Те, которые не жалко разобрать.

Лин задумалась и добавила:

— Одну он разбирал три раза. Я сказала, что в ней не хватало не пружины, а музыки. И он потом принёс другую.

Мара улыбнулась, но ребёнок был слишком встревожен, чтобы поддержать разговор. В дальнем конце двора открылась узкая дверь. Арсен поднял руку, показывая, что нашёл вход. Иара объясняла ему что-то, указывая на верхний край рамы.

— Я поднимусь к ним, — сказала Мара Сильве. — Вдруг нужно будет придержать створку.

— Возьми лампу. И не заходи на край перекрытия, пока не посмотришь, где доски лежат на балках.

— Я знаю.

— Скажи это своим ногам. Они у тебя иногда смелее головы.

Внутренняя лестница вела на чердак двумя пролётами. На последнем было темно: лампа под потолком не горела, а узкое окно в крыше закрывал снег. Мара услышала, как Арсен разговаривает с кем-то за дверью.

— Матвей, вы можете отойти от окна?

— Могу. Только дайте подумать, куда тут отходить.

Мужской голос был недовольный, но без паники. За дверью поскрипели доски.

— Не думайте о ставне, — сказал Арсен. — Сначала дверь.

— Она не дверь, а воспоминание о двери. Десять лет собираюсь попросить плотника.

Иара объяснила, что замок не заперт: створку перекосило после того, как дом осел. Арсен поставил ящик у стены и достал короткий клин.

— Мара, посветишь сюда?

Он произнёс её имя так, как произносят имя человека, чья помощь нужна прямо сейчас. Она подняла лампу. Её пальцы всё ещё помнили холодные ладони Лин; латунная ручка фонаря казалась почти горячей.

Арсен вставил клин между дверью и рамой, осторожно нажал. Дерево уступило на толщину монеты и остановилось.

— Матвей, с вашей стороны что-нибудь подпирает дверь?

— Коробка. Я её поставил, чтобы ветер не открыл. Она, видимо, решила продолжить работу.

— Можете сдвинуть?

— Одной рукой могу. Другой держу ставню. Если отпущу, она разобьёт стекло.

Сквозь щель Мара видела только полоску синего света. За ней дрогнула чья-то тень. Матвей не кричал, но по усилию, с которым он произносил слова, было ясно, что долго стоять он не сможет.

— Отпустите ставню, — сказал Арсен. — Окно потом закроем доской.

— На чердаке сушится бельё соседки. Его унесёт.

— Тогда скажите, где коробка. Мы сдвинем её снаружи.

Матвей попытался объяснить. Мара опустилась на корточки и увидела между дверью и полом серый угол картона. Она просунула туда линейку из своего футляра и подтолкнула край. Коробка не сдвинулась.

— Тяжёлая, — сказала она.

— Там катушки для кукольного театра, — отозвался Матвей. — Те самые, которые все считают мусором до представления.

Арсен вынул из ящика тонкую металлическую пластину, завёл её под коробку и приподнял. Мара подтолкнула линейкой ещё раз. Коробка с шорохом ушла в сторону, дверь подалась.

На чердаке было холоднее, чем во дворе. Матвей стоял у окна, удерживая створку деревянной рейкой. Порыв ветра тянул ткань на верёвке; две простыни уже соскользнули на пол. У стены рядами стояли коробки с игрушечными домиками, колёсами и лицами кукол, завёрнутыми в бумагу. Под открытым окном лежала табуретка без одной ножки.

— Я знал, что кто-нибудь спросит, зачем я на неё залез, — сказал Матвей, увидев взгляд Мары. — Отвечаю сразу: другая табуретка была в комнате соседки.

— Я собиралась спросить, где крепится ставня, — сказала она.

— Это менее интересный вопрос, зато более полезный.

Верхний крюк вырвало из рамы. Арсен осмотрел его, затем узкую доску над окном.

— Нужно временное крепление. Но к этой раме я его не привяжу: сгнила у угла.

Матвей потянулся к коробке с инструментами, но нога у него подогнулась. Мара успела подставить руку. Он ухватился за неё, выровнялся и только потом сердито посмотрел вниз.

— Я просто засиделся.

— Вы долго держали ставню, — сказала она. — Сядьте, пожалуйста.

— На что? Табуретку вы уже осудили.

Арсен выдвинул из-за стены ящик, проверил крышку и поставил его рядом. Матвей сел. Когда ветер снова ударил в окно, он рефлекторно поднялся, но Мара удержала его за локоть — сначала на мгновение, потом убрала руку.

— Простыни мы снимем. Можно?

— Можно. Только запомните, чьи прищепки где. Марфа потом пересчитывает.

Иара, добравшаяся до площадки, ответила вместо Мары:

— Я скажу Марфе, что это я виновата.

— Тогда она простит тебя. Меня — нет.

Пока Мара и Иара снимали бельё, Арсен закрепил ставню к поперечной балке. Узел держался, но выглядел временным, как и всё, что делают, когда важнее закрыть окно до темноты, чем доказать мастерство. Он сфотографировал раму и сказал Иаре, что в заявке нужно указать гниль у верхнего угла, а не просто «сломался крючок».

— А если они спросят, почему я не заявила раньше?

— Скажите, что теперь знаете больше. Ремонт от этого не станет менее нужным.

Матвей, сидя на ящике, вытер лицо рукавом. Мара заметила, что он бледен.

— Давно у вас холодно в квартире?

— Как у всех. Я спал в мастерской, там комната маленькая.

— Вы говорили Иаре?

— Она знает про трубу.

— Я спросила про вас.

Он посмотрел на неё с раздражением, но ответил:

— Не говорил. Я не хотел, чтобы мне принесли плиту вместо кого-то, кто не может сам подняться по лестнице.

Мара присела рядом. Легко было похвалить его за самоотверженность. Труднее — объяснить, что скрытая необходимость мешает распределить помощь так же, как ложная заявка.

— Расскажите Иаре сейчас. Она не обещала отдать вам плиту. Она собирает список, чтобы никто не решал наугад.

Матвей посмотрел на Иару. Та стояла с охапкой белья и, кажется, была готова одновременно отругать его и обнять.

— Хорошо, — сказал он. — Но соседу после операции она нужнее.

— Про соседа я уже сказала, — отозвалась Иара. — Теперь добавлю тебя.

Когда они спустились, Лин выбежала из подъезда и остановилась за шаг до Матвея. Видимо, не знала, можно ли обнимать взрослого, который только что долго держал тяжёлую ставню. Он сам открыл руки, и девочка осторожно обняла его за талию.

— А музыку ты починил? — спросила она.

— Починил. Теперь выяснилось, что танцовщица не любит эту песню.

— Она тебе сказала?

— Упорно отворачивается, когда включаю.

Лин улыбнулась впервые с утра. Мара заметила, как Арсен смотрит на них, и вдруг поняла, что её злость на собственный отчёт всё время была направлена в прошлое. А люди перед ней жили в настоящем, в котором ошибку приходилось исправлять не одним признанием, а множеством отдельных действий.

— Я останусь с жильцами, — сказала Сильва. — Вы можете начать измерения.

Матвей предложил ключ от своей квартиры и хотел пойти с ними, но Иара велела ему сначала выпить горячего настоя. Он попытался возразить, затем увидел выражение её лица и пошёл без спора.

В подъезде они с Арсеном оказались вдвоём. За стеной Лин рассказывала бабушке, что танцовщица в коробке может выбирать музыку. Мара подняла прибор и проверила, закреплён ли защитный чехол.

— Спасибо, что не стал снимать ставню целиком, — сказала она.

— Я не был уверен, что смогу вернуть её на место.

— Не только поэтому. Матвей переживал за чужое бельё, и ты это услышал.

— Вчера я не услышал бы. Решил бы, что окна важнее простыней.

— А сегодня?

— Сегодня он держал окно. Значит, сначала надо было спросить, что ему мешает уйти.

Она повернулась к нему. На воротнике его пальто таяла снежинка. Раньше, до комиссии, она наверняка сняла бы её пальцем. Сейчас ей хотелось этого почти болезненно: обычное движение казалось вещью, которой у них больше нет. Снежинка исчезла сама.

— Я могу проверить показания сама, — сказала она.

— Можешь. Я подожду у подвала, потом сравним.

— Нам надо измерить первую квартиру, а потом последнюю. И записать время.

— Ты уже знаешь план.

— Ты всё ещё спрашиваешь, будто не уверен.

Он посмотрел на неё. В полумраке было невозможно понять, улыбнулся ли он.

— Я учусь спрашивать.

Мара прошла к верхней площадке. Из двери напротив высунулась рука с маленькой эмалированной кружкой. Пожилая соседка, чьего имени она пока не знала, предложила ей горячей воды. Мара взяла кружку, поблагодарила и прислонила ладони к стенкам. Наверху закреп-

лённая ставня больше не стучала. Тишина казалась не окончательным решением, а временем, которое люди выиграли друг для друга.

В первой квартире термометр показал всего шесть градусов. Вода в трубе у входа была тёплой, а батарея под окном — почти ледяной. Во второй квартире тепла оказалось чуть больше. Сильва записывала показания, называя их вслух, чтобы жильцы могли услышать. Мара держала прибор; Лин внимательно следила за каждым числом, будто от правильности записи зависело, когда ей вернут варежки.

В подвале пахло мокрым камнем и ржавчиной. Арсен открыл вентиль на ответвлении. Вода вышла тонкой струёй — недостаточно сильной, чтобы объяснить разницу только расстоянием. Он осветил трубу и провёл пальцем по новой царапине на креплении.

— Крышку недавно снимали.

— Когда? — спросила Мара.

— Точно не скажу. След свежий, но металл здесь не стареет одинаково.

Он поддел край крышки ключом. За ней находилась перегородка — металлический диск с узким отверстием. Вода проходила, но гораздо медленнее, чем должна была. На диске выбили номер детали и знак городского союза.

— Это ограничитель? — спросила Сильва.

— Да. Ставят при ремонте, чтобы не сливать всю линию. Потом снимают.

— Кто его поставил?

— Номер скажет, кому выдали. Может, поставили по ошибке. Может, ремонт не закончили. Может, причина ещё где-то. Сначала я сфотографирую.

Мара держала лампу, пока он снимал диск. Руки у него работали спокойно. Она вспомнила другую комнату, другую металлическую деталь на столе комиссии и тот день, когда её попросили подтвердить показания. Ей казалось, что она подтверждает только работу датчика. Позже оказалось, что её подпись поставили под выводом о состоянии всей линии.

Она могла бы сказать сейчас, что не читала последнюю страницу. Могла бы объяснить, как Сильву вызвали в городской союз и как ей, самой молодой сотруднице, передали папку с просьбой подписать данные до закрытия собрания. Она много раз проговаривала эти слова в пустой комнате. Они не меняли того, что Арсен потерял работу.

— Я могу помочь с журналом выдачи, — сказала она.

— Можешь. Только принеси копию целиком, а не страницу с номером.

Он не посмотрел на неё. И это было справедливо.

Когда ограничитель сняли, трубы сначала ответили глухим ударом, затем ровным шумом. Но Арсен не обещал, что дом прогреется за минуту. Толстые стены успели остыть; теплу требовалось время. Времени также требовал сад: если в северной ветви восстановить прежний расход, запаса на вечер могло не хватить.

— Я схожу за резервными плитами, — сказала Сильва. — Из общего фонда.

— В общем фонде всего двенадцать, — заметила Мара.

— Я умею считать.

— Я не об этом. Если начнётся ветер, их попросят на верхнюю улицу.

— Тогда будем решать, когда попросят. Здесь они нужны сейчас.

Мара записала номера квартир для выдачи плит. Иара настояла, чтобы внизу осталась одна: к соседу после операции приходила сестра, и о нём легко было забыть, потому что он редко выходил во двор.

Сильва вернулась со склада фонда вместе с Наей, когда во дворе уже начало темнеть. Ная приехала на санях с переносными плитами. Она привезла не двенадцать, а десять: две в мастерской забрали для дома восстановления. На бортах саней лежали шерстяные чехлы и два железных зажима, чтобы плиту можно было укрепить у стены и не опрокинуть ногой в тесной комнате.

— Пока только десять, — сказала она Сильве. — Больше в фонде нет.

Иара уже стояла рядом со списком. Прежде чем она успела ответить, к саням подошла женщина в тёмном платке.

— У соседей в первом подъезде тепло, — сказала она. — Я видела, как у них из окна пар шёл. А мне сказали, что плиты туда тоже понесут.

— Пар идёт от чайника, — ответила Иара. — Я была у них днём. Там две комнаты, и в дальней вода замёрзла.

— У меня тоже замёрзла.

— Вы в списке. Я не говорю, что не замёрзла.

Женщина посмотрела на сани, пересчитала плиты и замолчала. Мара поняла причину спора раньше, чем та назвала её вслух: десяти плит не хватало на все отмеченные адреса. Даже если никто не пытался взять чужое, каждый видел, что кому-то придётся ждать.

— Давайте скажем прямо, сколько у нас и кому пока не хватает, — предложила Мара.

Иара развернула лист на крышке ящика. В углу уже проступило мокрое пятно от снега; Ная подложила под него сухую доску. Женщину звали Раиса. Она работала ночной прачкой при доме восстановления и возвращалась домой к рассвету. Ей нужна была не просто тёплая комната: если дома замерзала вода, она не могла вымыть руки после смены, а к следующему вечеру ткань её рабочего платья не успевала высохнуть.

— Я не прошу забирать у соседей, — сказала Раиса. — Я хочу знать, когда придут ко мне.

— Мы можем сначала донести до вас одну из этих, — ответила Иара. — Но тогда вот этот адрес ждёт до утра.

Она положила палец на последнюю строку. Мара не знала человека, чьё имя там стояло. Убрать чужую плиту ради Раисы значило сделать выбор на основании двух обрывков чужой жизни: одна женщина работала ночью, а про другого жильца они пока знали только возраст и то, что он живёт один.

— Я могу поговорить с ним, — сказала Ная. — Но не буду решать вместо него, нужен ли ему обогрев.

— И я пойду, — предложила Раиса.

Она посмотрела на свою запись и добавила:

— Пусть услышит, зачем я спрашиваю. Я не хочу, чтобы ему потом сказали: «плиту отдали другой», и на этом всё.

Они ушли вместе. Мара осталась у саней. Несколько соседей из первого подъезда предложили носить плиты наверх. Арсен, вымыв руки после работы в подвале, проверял крепления. Его куртка стала темнее у локтей; от мокрых рукавов поднимался пар, когда он проходил возле фонаря.

— Можно брать за ручку? — спросил один из добровольцев.

— За две, — ответил Арсен. — И не ставьте вплотную к ткани. Вот эти зажимы крепятся к камню. Я покажу.

Он продемонстрировал, как поставить плиту на подставку и оставить расстояние от стены. Мужчина торопливо кивнул, но Арсен попросил его повторить самому. У того не сразу получилось раздвинуть скобу; он покраснел и сказал, что дома справится. Арсен не забрал инструмент, только повернул его другой стороной.

— Нажмите здесь. Тогда хватит одной руки.

Вторая попытка удалась. Мара подумала, как легко принять чужую спешку за неумение, а собственное раздражение — за желание помочь. Два года назад она была уверена, что хорошая работа начинается с точных ответов. Сейчас Арсен тратил несколько минут на то, чтобы человек попробовал сам, и это тоже было частью ремонта, хотя в смете такой строки не существовало.

В конце двора послышались голоса. К саням приближался смотритель районного хозяйства с ещё двумя людьми. На его рукаве краснела повязка городской службы. Он остановился, увидев плиты.

— Кто распорядился выдавать их без представителя квартальной комиссии?

Сильва подняла голову.

— Я. Сад получил аварийные заявки, дома осмотрены. Мы используем общий фонд по распоряжению союза.

— По распоряжению, — повторил смотритель. — А в комиссии о нём не знают.

— Оно передано вашему дежурному сегодня утром.

— Значит, дежурный не передал дальше.

Он не стал спорить о подписи, но попросил остановить раздачу до связи с управлением. Люди, уже стоявшие возле подъездов с плитами в руках, переглянулись. Один мужчина опустил свою на снег.

— Пока вы свяжетесь, она остынет, — сказал он.

— Если плиты выдадут не по правилам, потребуют вернуть все, — ответил смотритель. — Я не пытаюсь задержать помощь. Я не хочу, чтобы завтра к каждому пришли за объяснениями.

Мара заметила, как напряглась Сильва. Наставница могла повысить голос и, возможно, заставить людей продолжить. Но это оставило бы жильцов посреди спора между двумя службами. Она попросила смотрителя показать номер дежурной линии. Тот достал из кармана картонную карточку; номер совпадал с указанным у ворот сада.

— Телефон у Иары, — сказала Сильва. — Она ушла к соседу. Есть ли другой?

— У меня в служебной будке.

Будка стояла на верхней улице. Ная увезла тележку с инструментами, но Арсен знал короткий проход через двор. Он предложил проводить смотрителя, а Сильва осталась с людьми и занялась тем, что можно было сделать без новых распоряжений: объясняла, как установить уже выданные плиты, и записывала вопросы, на которые пока не знала ответа.

Мара почувствовала желание пойти с Арсеном. Не только потому, что знала номер распоряжения наизусть. Ей хотелось услышать, как он говорит с представителем службы, в которой когда-то работал. Но внизу оставались люди, ожидавшие решения.

— Я поднимусь, — сказала она. — Я помню время, когда дежурный принял заявку.

Сильва кивнула. Вместе они могли ответить быстрее.

На коротком проходе снег занёс старые ступени. Смотритель шёл впереди и проверял дорогу длинной палкой. Мара и Арсен следовали за ним, не касаясь друг друга: тропа была достаточно узкой, чтобы любое неловкое движение сбило сразу двоих. Один раз Мара всё же потеряла равновесие. Она успела ухватиться за перила, но Арсен остановился и протянул руку.

Она посмотрела на неё. Перчатка была мокрой у большого пальца; шов на ладони расходился. Ей вспомнилось, как однажды он потратил весь вечер на починку садовой рамы и сказал, что шов может подождать до утра. Тогда она зашила его сама, не спрашивая. Теперь даже взять его за руку казалось решением, которое нельзя принять за двоих.

— Спасибо, — сказала она и оперлась на его запястье.

Они прошли скользкий участок и отпустили друг друга. Он ничего не сказал, но темп сбавил. Мара поняла, что благодарна ему именно за это: он не превратил простой жест ни в доказательство примирения, ни в повод снова отступить.

В служебной будке смотритель дозвонился до управления с третьей попытки. Дежурный подтвердил распоряжение, но не смог назвать его номер: журнал оставили в соседней комнате, а ключ находился у начальника смены. Мара назвала время и фамилию сотрудницы, которая принимала заявку. Дежурный попросил подождать.

Ожидание растянулось на несколько минут. За окном сквозь снег было видно кусок нижней улицы и сани внизу. Люди всё ещё стояли рядом, укрывая плиты тканью. Мара смотрела на них и считала время: не чтобы потом обвинить дежурного, а чтобы понимать, сколько ещё смогут сохранять тепло устройства без установки.

Наконец в трубке послышался другой голос. Сотрудница подтвердила заявку, назвала номер и продиктовала условие: получатели расписываются за временную выдачу, но от них не требуется обещать вернуть плиты в установленную дату, пока общий обогрев не восстановлен.

Смотритель записал слова и повторил их вслух. Затем спросил:

— Дежурный комиссии может присутствовать при раздаче?

— Может, если не задержит доставку, — ответили ему. — Примите участие и передайте нам итоговый список.

Он положил трубку и посмотрел на Мару.

— Вы всё сделали по правилам. Я должен был сначала позвонить, а потом останавливать людей.

— Теперь вы знаете, — сказала она.

Он не улыбнулся, но взял свою повязку со стола и надел поверх куртки. На обратном пути он шёл первым, расчищая палкой снег на ступенях. Мара поймала взгляд Арсена и едва заметно пожала плечами: спор разрешился не потому, что один человек оказался хорошим, а другой плохим. Кто-то боялся неверной выдачи, кто-то — холода, и всем пришлось узнать, как устроено решение.

У саней их встретила Ная. Она вернулась с Раисой и пожилым соседом, ради которого они ходили наверх. Мужчина сам спустился во двор в длинном пальто и с палкой.

— Его зовут Леон, — сказала Ная. — Он готов подождать до утра. Но хочет, чтобы кто-нибудь помог закрыть щель в окне.

— Я не такой уж беспомощный, — добавил Леон. — Просто рама тяжёлая. Вдвоём справимся за десять минут.

Раиса стояла рядом с ним.

— Я сегодня возьму плиту, а завтра до смены помогу починить окно. И приду, если под утро в доме станет хуже.

Иара уточнила, достаточно ли этого Леону. Он подтвердил. Только после этого она переставила в списке две отметки. Арсен взял ящик с инструментами и предложил пойти к раме сразу, пока люди разносят плиты.

— Я с тобой, — сказала Мара.

В комнате Леона на подоконнике лежали перья и маленькие металлические трубочки. Мужчина собирал ветровые свистки и отдавал их городским музыкантам. Большой свисток стоял на столе, под тканью, чтобы в щель не попадала пыль.

— Он не работает в такую погоду, — объяснил Леон, заметив взгляд Мары. — Металл сжимается, отверстия меняются. Нужен тёплый воздух, чтобы настроить.

— А дома восстановления не просили настроить инструмент? — спросил Арсен.

— Просили. Я обещал к завтрашнему вечеру, но, боюсь, придётся перенести.

Мара вспомнила объявление о завтрашнем выступлении в доме восстановления. Если Леон важен музыкантам, он может не успеть вовсе. Но предложить ему отдать плиту и забрать её у Раисы было бы таким же решением за других, против которого он сам только что возражал.

— Садовая мастерская открыта до ночи, — сказала она. — Там тепло и есть стол. Если хотите, можно отнести инструмент туда. Я спрошу Тарну, чтобы она открыла боковую дверь.

Леон насторожился.

— Я медленно работаю.

— Она не будет стоять над вами. Можно принести всё сразу, чтобы вы сами выбрали, когда остановиться.

Он посмотрел на свисток, затем на раму. Ная уже установила клин под тяжёлый край окна, а Арсен проверял петли. Мара поймала себя на том, что вот-вот пообещает отнести прибор сама, не спросив, кто будет сопровождать Леона обратно. Она заставила себя не заканчивать решение за него.

— Я могу пойти с вами до сада, — сказала она. — А потом уточним, как вы вернётесь.

Леон согласился. Раиса обернула большой свисток в плотную ткань, Ная закончила крепление рамы, Арсен проверил, не продувает ли внизу. На подоконнике осталась ровная полоска чистого дерева. Работа оказалась не десятиминутной, как ожидал Леон, а заняла почти час; однако никто не стал спорить из-за этой разницы.

Когда они вышли во двор, плиты почти все раздали. Иара зачитывала адреса, а смотритель отмечал, к кому нужно вернуться с дополнительными зажимами. Сильва говорила с жильцами о том, что снятие ограничителя увеличит поток, но стены будут прогреваться долго. Люди задавали вопросы, некоторые сердились, и она не требовала от них благодарности.

Арсен нёс свисток в тканевом чехле. Он не знал, как устроен инструмент, поэтому держал его обеими руками и каждый раз перед ступенькой спрашивал Леона, можно ли наклонить футляр. Мара шла рядом и слышала, как мужчина всё охотнее объясняет, какая сторона должна оставаться сверху.

У ворот сада дежурная Тарна узнала Леона и облегчённо сказала, что музыканты уже искали его. Потом заметила, как он устал, и не стала предлагать ему идти быстрее. Она открыла мастерскую и принесла табурет, попросив проверить, удобна ли высота. Леон сел, положил свисток на стол и впервые за всё время улыбнулся.

— Теперь можно работать.

Арсен поставил футляр рядом. Мара поймала его взгляд. Между ними ещё оставалось многое, о чём они избегали говорить, и одно сегодняшнее решение не могло это исправить. Но ей хотелось сохранить в памяти, как он держал инструмент на ступенях: крепко, не присваивая и не притворяясь, что знает о чужой работе больше её владельца.

— Вернёмся к Иаре? — спросила она.

— Да. Я обещал проверить, не мешают ли зажимы открывать дверь.

Она надела перчатку. На большом пальце по-прежнему лежала тонкая нитка от старого шва. Мара потянулась убрать её и остановилась. Арсен посмотрел на нитку, затем на неё.

— Можешь? — спросил он.

Она оторвала нитку. Ничего важного, подумала Мара, и всё же ей хотелось, чтобы он не убирал руку так быстро. Арсен убрал — аккуратно, без неловкой улыбки. Они вышли через главный вход и направились обратно в Седьмой двор.

Вечером Лин вернула варежки. На правой большой палец оказался вывернут наружу.

— Это вам.

— Оставь до завтра, — сказала Мара.

— А завтра я принесу пирог. Когда печь согреется.

Лин оглянулась на Арсена, который запечатывал диск в пакет. Тот поднял на неё глаза и серьёзно кивнул, словно они уже заключили договор о пироге.

У входа в соседний подъезд Матвей выносил на улицу широкий деревянный ящик. Утром он удерживал расшатанную ставню на чердаке; теперь двигался осторожно, но уверял всех, кто пытался принять у него груз, что ящик легче, чем выглядит.

— Там ещё один, — сказал он Арсену. — Вот за ним можешь сходить, если очень хочется быть полезным.

— Я вообще-то собирался спросить, где северный коллектор, — ответил тот.

— Тогда тебе повезло. Он как раз под лестницей, рядом со вторым ящиком.

Мара узнала на крышке нарисованную птицу с длинным зелёным хвостом. Такие птицы появлялись на афишах передвижного театра у рынка. Утром Матвей говорил, что чинит игрушки; кажется, на игрушках его работа не заканчивалась.

— Театр здесь выступает? — спросила она.

— Здесь хранит декорации. А выступает там, где найдут стену и не прогонят.

— И вы сегодня собираетесь их отдавать?

— Я обещал, что закончу к вечеру. Если не отдам, Седа явится и станет говорить со мной своим обычным голосом. Это гораздо страшнее, чем когда она сердится.

Арсен вернулся со вторым ящиком. Он действительно нашёл под лестницей коллектор: на крышке, которую он показал Маре, ещё оставались следы старой синей краски. Сейчас крышка была закрыта, и измерение требовало инструмента, которого у него с собой не было. Он записал местоположение, не пытаясь вскрыть её подручным ножом.

— Приду завтра с правильным ключом, — сказал он Матвею.

— Если ты придёшь раньше Седы, я буду очень признателен. Но на расчёт не надейся: денег у меня на благодарность нет.

— Мне достаточно, что ты не предлагаешь оплатить ключом от театрального ящика.

Матвей взял с крышки обломок мела и нарисовал на доске два круга.

— Ключ как раз есть. Только он не от ящика. Нужна ваша помощь: проверьте, открывается ли сцена.

Он поднял крышку. Внутри находился складной деревянный мост, две выдвижные рамки и фигурки с подвижными суставами. Когда-то все детали были окрашены ярко; теперь на них остались участки красного, синего и золота. Мара увидела маленький дом, три узких лодки и высокий чёрный парус, сделанный из плотной бумаги.

— Седа попросила починить механизм, — пояснил Матвей. — В представлении лодка должна проходить под мостом. Мост упрямо считает, что проходить ей незачем.

Он поставил ящик на скамью и потянул за нитку. Мост поднялся слишком резко, ударил верхнюю перекладину и упал на место.

— На сцене это выглядит как угроза, — признал Матвей. — А по истории мост помогает лодкам.

— Может быть, он просто против поспешных решений, — сказала Мара.

— Тогда ему самое место в городском союзе.

Арсен присел рядом. Матвей сразу предупредил:

— Только не начинай чинить до того, как я покажу, что уже сделал. Иначе окажется, что вы оба исправляли одно и то же в разные стороны.

— Покажи, — ответил Арсен.

Матвей не спеша объяснил, какие нити заменил и где подклеил отколовшийся угол. Он работал с театром много лет, но больше не ездил на дальние представления: после того как начал плохо переносить долгую дорогу, артисты сами привозили ему детали. Говорил он об этом без сожаления и даже с удовольствием показывал старую печать на внутренней стороне ящика — напоминание о времени, когда у театра была собственная мастерская.

Мара держала фонарь так, чтобы свет не падал прямо на Матвея. При каждом его движении тени на сцене менялись: то дом становился больше моста, то лодки казались совсем маленькими. Арсен нашёл место, где новая нить проходила через старую металлическую петлю. Та была шероховатой; когда нить натягивалась, она прилипала к краю и резко срывалась.

— Если заменить петлю, механизм пойдёт плавнее, — сказал он.

— У меня есть гладкая, — ответил Матвей. — Только она чуть шире. Придётся переставить крепление.

— Не сегодня? — спросила Мара.

— Сегодня можно попробовать. Но Седа ждёт ящик на площади. Если мы не успеем, она покажет только одну половину истории.

— А это плохо?

— Первую половину и так все знают: лодки приходят к закрытому мосту. Интересно, как они договариваются, чтобы он открылся.

Мара посмотрела на мост. Ей было немного неловко от сходства с нынешними разговорами в городе: все знали про закрытые линии, холодные комнаты и дорогие частные резервы. Гораздо труднее было понять, как люди, уже решившие, кто прав, смогут договориться о следующем шаге.

Матвей заметил её взгляд.

— Это старая история. Мы играли её и до нынешней зимы.

— Я не думала, что вы написали её вчера, — ответила Мара.

— Люди иногда сердятся, когда узнают себя в истории, которую придумали раньше них.

Арсен поднялся:

— Если идти вдвоём, один отнесёт ящик, другой — запасной мост. Можно починить его у сцены.

— Ты знаешь, как Седа относится к работе на месте? — спросил Матвей.

— Нет.

— Она её ненавидит. Зато ещё больше ненавидит опаздывать. Полагаю, сегодня можно воспользоваться этой особенностью.

Он отыскал небольшую коробку с петлёй и шурупами. Мара предложила взять её вместе с фонарём. Матвей запер квартиру, оставил Иаре записку, где будет, и только тогда позволил Арсену поднять тяжёлый ящик. Мара несла лёгкий мост и старалась не задеть его выступающими краями прохожих.

Они шли по улице к площади. Солнце уже ушло за крыши, но снег отражал последние полосы света. Между домами слышались голоса людей, возвращавшихся с работы. У лавки с тканями продавщица сворачивала навес и недовольно смотрела на небо: мокрый снег мог испортить новые полосы льна.

— Надо будет попросить крышу над сценой, — сказал Матвей.

— У театра есть брезент, — ответила Мара.

— Есть. Но он в другом ящике, а другой ящик у человека, который любит опаздывать с определённой художественной целью.

— Какой?

— Чтобы его просили прийти.

Арсен сказал, что такая цель требует слишком точного расчёта: если человек опоздает один раз слишком сильно, его могут перестать просить. Матвей ответил, что предупреждал коллегу об этом десять лет, но тот назвал разговор давлением на творческую личность.

Мара засмеялась. Арсен обернулся на этот звук. Она заметила, как изменилось его лицо: не открытая улыбка, к которой она когда-то привыкла, а короткая растерянность, будто он не ожидал услышать её смех сегодня.

— Что? — спросила она.

— Ничего. Просто я помню, как ты смеялась на предыдущем представлении.

— Мы были там вместе?

— Ты стояла у сцены. Я пришёл позже и не хотел мешать.

Он сказал это спокойно. Для Мары же фраза раскрыла маленькую пустоту в собственном воспоминании. Она помнила спектакль, мокрый край плаща и незнакомку, которая уступила ей место у сцены. О том, что за спиной стоял Арсен, не знала.

— Почему не подошёл?

— Ты была с людьми из сада. Я решил, что тебе не захочется объяснять, почему инженер снова оказался рядом.

— А мне казалось, ты не любишь кукольный театр.

— Я не люблю, когда меня вытаскивают на сцену. Это разные вещи.

Матвей, шедший впереди, явно слушал их и не старался скрыть этого.

— Если вы придёте сегодня, мы никого не вытащим. Если только кто-нибудь сам не попросится.

— Ты говоришь это каждому прохожему? — спросил Арсен.

— Только тем, кто несёт мой ящик.

На площади Седа ждала под аркой, положив руки на пояс. Рядом с ней стоял человек с тем самым брезентом. Он пришёл раньше всех и теперь утверждал, что другие просто не поняли расписание.

— Я был здесь к назначенному времени, — сказал он.

— Вчерашнему, — ответила Седа. — Сегодня мы начинаем раньше.

Он не нашёлся что сказать, но быстро поднял край брезента, чтобы Матвей мог поставить ящик. Это примирение без извинений, казалось, устраивало их обоих.

Сцена оказалась меньше, чем Мара представляла. Две скамьи, деревянная рама и ткань на верёвке. За аркой уже стояли взрослые зрители. Один мужчина держал пустую корзину и смотрел на часы; двое работников рынка прислонились к стене, отряхивая перчатки. Никто не выглядел так, будто пришёл за большой церемонией. Возможно, поэтому ожидание не казалось менее важным.

Матвей показал Седе мост. Она потянула за нить, услышала резкий стук и закрыла глаза.

— Он угрожает лодкам.

— Мы предупреждали, — сказал Арсен.

— Исправить можно?

— Да. Только нужны пять минут и стол.

— У нас есть три минуты и ящик.

— Тогда мы потратим пять минут и ящик.

Седа посмотрела на зрителей. Те уже знали, что происходит: разговор в арке слышался хорошо. Один из работников рынка предложил принести низкий стол из соседней лавки. Хозяин лавки согласился при условии, что на поверхность положат ткань и не будут вкручивать шурупы в столешницу. Через минуту стол стоял под брезентом.

Матвей разложил инструменты. Арсен снял старую петлю, но новую пока не ставил: сначала нужно было проверить, не мешает ли ширина деревянной перекладине. Мара держала фонарь, Седа подавала фигурки, чтобы не потерять ни одной детали. За её плечом стоял пожилой зритель и пытался увидеть механизм.

— Простите, если мешаю, — сказал он. — Я раньше делал часы. Мне интересно, почему мост так прыгает.

— Не мешаете, — ответил Матвей. — Но не советуйте до тех пор, пока мы не попросим. Иначе придётся платить вам за работу.

Мужчина отошёл на полшага, однако по его глазам было видно, что замечание далось ему труднее, чем любой мороз.

Новая петля встала на место. Арсен провёл через неё нить и медленно потянул. Мост поднялся ровно, но остался наверху. Матвей проверил противовес: маленький мешочек с песком оказался слишком лёгким для новой детали.

— Нам нужен другой вес, — сказал он.

— Монета? — предложила Мара.

— Слишком тяжёлая.

Седа развязала мешочек и добавила несколько песчинок. Попробовали снова. Мост опустился, но медленно, почти торжественно.

— Выглядит так, будто он долго думает, — сказала Мара.

— У него теперь есть на это право, — ответил Матвей.

Пожилой зритель попросил разрешения показать, как он проверял равновесие у часового механизма. Матвей дал ему нить. Мужчина не стал ничего переставлять: поднёс палец под мешочек и предложил добавить всего две песчинки. Попробовали. Мост поднялся и опустился без стука.

— Вот теперь можно платить, — сказал Матвей.

— Я согласен на место в первом ряду.

— Слишком дорого. Придётся дать ещё и пирог.

Пока они возвращали стол, Седа обернулась к собравшимся и объяснила задержку. Она не стала выдавать ремонт за часть представления, хотя могла бы. Один из работников рынка ответил, что зато теперь все знают: мост открывается не по волшебству.

— У нас честный театр, — сказала Седа. — Но некоторых кукол мы всё равно заставляем говорить.

Представление началось. Три лодки подходили к мосту с разных сторон, и каждой казалось, что именно её груз нужно пропустить первым. Седа говорила за маленькую лодку быстрым сердитым голосом; Матвей — за большую, уставшим и важным. Третья лодка сначала молчала, а потом спросила, знает ли кто-нибудь, кто именно удерживает мост снизу.

— Ветер, — крикнули из толпы.

— Течение, — предположил другой зритель.

— Страх перед жалобами, — сказала Ная, появившаяся у края арки.

Все засмеялись. Мара не заметила, когда подруга подошла. Та успела заглянуть в мастерскую и теперь несла под мышкой свёрнутый кусок ткани.

— Сильва сказала, где тебя искать, — шепнула Ная. — У нас ещё есть немного времени до закрытия сада.

На сцене лодки наконец услышали слабый голос из-под моста. Оказалось, механизм удерживал не злодей, а старый противовес, который никто не замечал, пока не стало трудно двигаться. Чтобы пройти, лодкам пришлось не уничтожить мост, а остановиться, выяснить, кто может его поднять и кто возьмёт на себя работу удерживать нить.

— Вы сегодня не слишком далеки от нашей темы, — сказала Мара Нае.

— А по-моему, они играют эту пьесу дольше, чем мы с тобой умеем читать.

Представление закончилось негромкими аплодисментами. Седа не собирала деньги: рядом стояла коробка для пожертвований дому восстановления, но она объяснила, что участие не является обязательным. Пожилой зритель положил туда монету и сказал Матвею, что пирог можно оставить артистам. Матвей ответил, что не обещал отдавать именно пирог.

Когда люди стали расходиться, Мара помогла сложить мост. Арсен держал рамку, пока она сворачивала ткань. Их плечи соприкоснулись. Она почувствовала запах холодного воздуха на его пальто и тепло кожи сквозь ткань собственной куртки. Слишком короткое прикосновение, чтобы делать из него историю, и слишком заметное, чтобы не признать его вообще.

— Я действительно не знала, что ты был на том спектакле, — сказала она.

— Я знаю. Ты бы поздоровалась.

— Может быть, я бы не только поздоровалась.

Он поставил рамку на край ящика.

— Что бы ты сделала?

Мара хотела ответить, что предложила бы пройтись до канала, спросила бы о работе, попросила бы показать, как он проверяет линию. На самом деле она не знала. Тогда она была уверена, что всё ещё успеет сказать позднее. Сейчас ей хотелось дать ему более честный ответ.

— Не знаю. Но я бы не хотела, чтобы ты стоял за моей спиной и думал, будто тебе там нельзя.

Арсен смотрел на неё, и между ними неожиданно стало тихо, хотя вокруг собирали скамьи и сворачивали брезент. Он поднял руку, будто собирался коснуться её щеки, но остановился.

— Можно? — спросил он.

Мара кивнула. Его пальцы коснулись края её шарфа и убрали деревянную стружку, зацепившуюся за шерсть. Он мог бы взять её без вопроса, но оба знали, что спрашивал он не только о стружке.

— Теперь можно не объяснять её Сильве, — сказал он.

— А я собиралась утверждать, что сама сделала мост.

— Матвей бы тебя выдал.

Они стояли ближе, чем требовала работа. Мара чувствовала желание, которое уже нельзя было списать на благодарность. Но на площади оставались люди, и ей не хотелось превращать мгновение в заявление для всех, кто проходил мимо. Она отступила первой, улыбнувшись, чтобы он не принял это за отказ от всего, что произошло.

— Надо вернуться в сад, — сказала она.

— Да. Я ещё должен проверить крышку коллектора. Завтра понадобится правильный ключ.

Матвей обернулся к ним:

— Он у меня. Возьмёшь сегодня или завтра?

Арсен договорился забрать ключ утром и назвал время. Мара обратила внимание, что он не берёт его сразу на всякий случай: человек с расписанием имел право знать, когда предмет понадобится другому.

Ная подождала их у выхода из арки. Она не спросила, что они обсуждали за сценой. Просто отдала Маре принесённую ткань — запасной чехол для прибора — и сказала, что Сильва хочет увидеть их обоих до закрытия сада.

По дороге Мара старалась не торопиться. Темнота сгущалась, а впереди оставалось немало работы: домам нужно было тепло, саду — внимательные руки, а ей и Арсену — разговор, который нельзя закончить одним прикосновением. Но теперь она знала хотя бы одно: он не стоял бы за её спиной только потому, что боялся нарушить тишину. Сегодня он спросил и дождался ответа.

Дорога обратно лежала мимо северной гряды. Кристаллические чашечки в саду светились слабее, чем следовало после такого ясного дня. Мара остановилась и проверила запасы в корневом коллекторе. Показания не совпадали с утренними расчётами. Она измерила второй раз — медленнее, с другим прибором. Разница осталась.

— Сильва, сад потерял больше тепла, чем ушло в северную линию.

Наставница взяла у неё записную книжку. Арсен подошёл ближе, но не заглянул через плечо.

— Сколько именно? — спросил он.

Мара назвала числа и показала обе записи. В темноте его лицо стало трудно различить. Зато она хорошо услышала ответ:

— Тогда ограничитель в доме — не единственная проблема.

Глава 3. цена одной подписи

Утром у ворот сада ждала очередь. Люди приходили с закрытыми корзинами и открытыми вопросами: хватит ли тепла на ночь, что делать с рассадой, можно ли получить переносную плиту для пожилого соседа. Мара не могла ответить всем сразу. Она открыла журнал, записывала адреса и рядом ставила время, когда кто-то сможет прийти.

Человек в сером пальто не встал в очередь. Его сопровождали двое помощников, державших папки под мышкой. Охранник попытался остановить их, но человек уже заметил Мару и улыбнулся.

— Мара Велес? Меня зовут Веден. Я хотел бы поговорить с руководителем сада.

— Руководитель городского союза принимает в управлении, — ответила она.

— Мне сказали, что сегодня здесь дежурите вы.

Она знала его имя. Корпорация Ведена предлагала частные тепловые резервы — дорогие металлические ячейки, в которых можно было хранить полученное заранее тепло. Они не создавали его, но позволяли тем, кто заплатил летом, не зависеть от общего запаса зимой.

— Мы принимаем заявки жителей, — сказала Мара. — Если у вас обращение о квартире, встаньте, пожалуйста, в очередь.

Веден посмотрел на людей за её спиной. Пауза длилась достаточно долго, чтобы Мара успела ожидать раздражения. Но он отошёл к последнему человеку и спросил, кто за кем. Один из помощников попытался возразить; Веден остановил его жестом.

Когда подошла его очередь, он положил на стол брошюру. На обложке была изображена теплица с золотыми окнами. По дорожке к ней шла семья в одинаково чистых пальто.

— Вы собираете подписи? — спросила Мара.

— Предлагаю обсудить резерв для северного квартала. Договор можно заключить от имени города. Мы поставим ячейки в течение недели.

— Откуда вы возьмёте тепло?

— Из летнего запаса. У нас есть договоры с владельцами южных площадок.

— Сколько его хватит?

— Это зависит от расхода. Расчёт на последней странице.

Мара открыла брошюру. Цифры были напечатаны мелко, но напечатаны: стоимость установки, плата за обслуживание, отдельная стоимость каждого цикла передачи. Она не нашла в них прямого обмана. Зато увидела, что после первого сезона цена изменится по формуле, для которой в документе не хватало двух показателей.

— От чего зависит коэффициент?

— От расходов на обслуживание и стоимости материалов.

— А кто их подтверждает?

— Независимый аудитор.

— Выбирает его ваша корпорация?

— Да. Но город может предложить своего наблюдателя.

Он говорил мягко, не отводя взгляда. В этом было больше опасности, чем в грубой угрозе. Люди за спиной Мары слышали про неделю и тёплые дома. Она тоже хотела, чтобы Седьмой двор перестал мёрзнуть. Но подписать соглашение, не зная, сколько оно будет стоить следующим летом, означало переложить решение на тех же людей, которые сейчас ждали помощи.

— Я передам документы совету жителей, — сказала она. — И отмечу вопросы.

— Вы настроены против меня.

— Я настроена понимать условия.

— Иногда на понимание уходит время, которого у города нет.

— Тогда напишите недостающие показатели на одной странице. Это сэкономит всем время.

Веден посмотрел на неё внимательнее. Потом попросил помощника дать чистый лист и начал записывать то, что мог ответить сейчас. Два пункта оставил пустыми, обещав прислать данные. Мара вложила лист в брошюру и поставила дату получения.

На ступенях сада женщина с корзиной держала так крепко прижатую к груди папку, что угол картона оставил светлую полоску на её пальто. Когда Веден вышел к воротам, она шагнула к нему. Мара не расслышала вопроса; Веден наклонился, чтобы разглядеть бумаги, и ответил достаточно громко, чтобы услышали те, кто стоял рядом:

— Вы вправе не подписывать сегодня. Я оставлю вам расчёт, и вы сможете показать его соседям.

Женщина кивнула, но папку не опустила. Один из помощников протянул ей новый лист. Она взяла его вместе со своими бумагами и направилась к столу дежурных.

— Я не понимаю, за какой объём здесь платить, — сказала она Маре. — Они говорят, что ячейка моя. А тут написано: «передача по графику».

На бейдже женщины значилось «Элина, городская пекарня». Под ногтем у неё застыла мука. На втором листе, который дал ей помощник, были напечатаны размеры ежемесячного платежа и примерное время использования резерва. В примере дом получал достаточно тепла для двух комнат, если погода оставалась в пределах обычных зимних значений.

— Здесь указано несколько вариантов, — сказала Мара. — Но график для вашего дома пока не заполнен.

— Они обещали заполнить после осмотра.

— Осмотр за ваш счёт?

Элина нахмурилась и перевернула страницу. Внизу была строка о выезде специалиста. Она не заметила её раньше.

— Я не могу за вас выбирать, — добавила Мара. — Если хотите, мы с советом двора можем задать вопросы вместе.

— А если не захотим подписывать? До весны ждать?

— Мы ищем, почему обычная линия работает плохо. Пока не знаем, сколько займёт ремонт.

Элина опустила папку и посмотрела на глиняный горшок с чёрными листьями, стоявший на краю стола.

— Это из Седьмого двора?

— Да.

— У нас в пекарне печь ещё держит жар. Мы можем брать несколько человек вечером, пока закрываемся. Только места мало и дети не должны подходить к заслонке.

— Вы уверены, что это удобно?

— Не уверена. Но если я спрошу совета у всех, кто платит за помещение, ночь закончится раньше разговора.

Она записала на обороте примерные часы и добавила: «Сообщить заранее, чтобы я приготовила воду». Мара сверила адрес с заявками. Пекарня находилась через мост от Седьмого двора; для пожилых жильцов дорога могла оказаться слишком длинной.

— Я попрошу Наю посмотреть маршрут, — сказала она. — И заранее скажу, сколько человек сможет прийти. Если станет неудобно, сообщите. Мы не будем считать предложение бессрочным.

— Договорились. Только не называйте это спасением города. У меня просто горячая печь.

Элина убрала бумаги. Мара сложила лист с предложением отдельно от заявок на плиты. По ту сторону ворот помощники Ведена продолжали отвечать на вопросы. Один человек под-

писал договор сразу, другой ушёл, унеся брошюру. Нельзя было судить о решении, не зная, кто спит в холодной комнате или сколько денег человек отложил на зимний запас.

К столу подошла Сильва. Она задержалась у списка и указала на один адрес.

— Здесь написано: «дом пуст».

— Так сказал сосед. У нас не было никого, кто мог бы сходить к двери.

— Он не пуст. Там живёт переплётчица Мира. Она плохо слышит и редко открывает на звонок.

Мара нашла на схеме дом у перехода через старую канализацию. Один из тех, к которым вёл общий стояк с Седьмым двором.

— Я могу сходить сейчас.

— Сначала поешь.

— Я поем потом.

— Ты сказала это два часа назад.

Сильва не стала перечислять ошибки, которые Мара могла совершить голодной. Она просто поставила перед ней тарелку с тёплой кашей и подождала, пока та возьмёт ложку. Мара ела быстро, одновременно перечитывая договор Ведена. Во втором пункте говорилось, что первая заправка входит в стоимость, но количество тепла будет определено после осмотра здания.

— Если зима окажется холоднее расчёта, им придётся покупать ещё, — сказала она.

— Возможно.

— И никто сейчас не знает сколько.

— Да. Запиши этот вопрос. Не превращай его в ответ.

Мара хотела сказать, что слышит в этом намёк на старый отчёт. Но Сильва уже собирала тарелки, и на лице её была не назидательность, а усталость. Вместо ответа Мара записала: «Какая стоимость дополнительной заправки и как меняется тариф?»

Подруга Ная перехватила её у выхода. На ремне у неё висели варежки, а в руках было колесо от складной тележки.

— У меня к тебе плохая и хорошая новости. Плохая: в городском фонде осталось восемь плит. Хорошая: я нашла тележку, на которой можно довезти две из них.

— Одно колесо у тебя в руке.

— Поэтому новости и идут в таком порядке.

Они уселись прямо у стены мастерской. Ная вставила ось на место и обнаружила, что штифт погнулся. Согреть металл для правки было негде: все рабочие печи заняли под срочные заказы. Она выругалась так тихо, что Мара расслышала только выдох.

— Есть другой путь? — спросила Мара.

— Можно вынуть ось из складной подставки для рассады. Но Сильва придёт за мной лично.

— Подставка нужна каждый день.

— Вот я и говорю: придёт лично.

Они не стали разбирать подставку. Ная сходила к столяру через площадь и вернулась с деревянной планкой и куском кожи. Временное крепление получилось грубым: тележка будет скрипеть и с трудом поворачивать. Но оно выдержало две плиты и мешок песка, которым Ная для проверки придавила край.

— До пекарни дойдёт, — сказала она. — До верхней улицы не обещаю.

Мара рассказала про Элину. Ная сразу спросила, кто отведёт детей через мост, где накануне обледенели поручни. Через несколько минут они решили: Ная отвезёт плиты в Седьмой двор, а Мара проверит дом Миры и по пути предупредит Иару о пекарне. План оставлял открытыми множество вещей, но у каждого действия появилось имя и время.

У старого перехода ветер тянул между домами холоднее, чем на площади. На последней ступени Мара увидела след от ботинка и тонкую полоску воды, замёрзшую до матового стекла.

Она поставила ногу на край, но лёд хрустнул раньше, чем подошва коснулась камня. Перила шатались.

С противоположной стороны кто-то окликнул её:

— Не туда. Под левой доской пустота.

Арсен стоял у низкой дверцы, выходившей к линии под мостом. Рядом с ним на снегу лежала свёрнутая карта. Он указал на обход между сараем и стеной.

— Я не знала, что здесь есть проход, — сказала Мара, когда обошла опасное место.

— Его редко чистят. Зато доски целые.

— Ты уже проверяешь линию?

— Здесь счётчик от другой ветви. Хотел сравнить скорость потока на таком же участке.

Он снова развернул карту. Ветер тут же попытался сорвать угол, и Мара прижала его ладонью. Под пальцами оказалась синяя пометка: дом Миры стоял как раз на развилке двух маленьких отводов.

— Туда я иду, — сказала она. — Нам передали, что дом пуст. Это неправда.

— Я закончил здесь. Могу проводить до дверей: двор старый, там два входа, один закрыт после обвала.

Она хотела ответить, что найдёт сама. Её раздражала собственная готовность отказываться раньше, чем она поймёт, что именно ей предлагают. Арсен говорил о дороге, не о праве сопровождать её на всём пути.

— Покажи, пожалуйста.

Они шли мимо закрытых лавок. За окнами одной догорал небольшой светильник, хотя до вечера оставалось несколько часов. Мара подумала об Элине и её печи, о том, что горячее место может быть полезным лишь тогда, когда к нему можно добраться.

— Ты когда-нибудь пользовался частным резервом? — спросила она.

— Нет. После отстранения пришлось выбирать между ним и ремонтом крыши. Я выбрал крышу.

— Я не знала, что ты остался здесь.

— Я уезжал на лето. Работал в мастерской на юге. Потом вернулся.

Она хотела спросить, почему не написал никому из старых коллег. Но в городе, где почти каждый знал об отстранении, возвращение само по себе было достаточно трудным объяснением.

— Ты мне ничего не должна рассказывать, — сказал он, заметив её молчание.

— Я как раз пыталась решить, имею ли право спросить.

— И что решила?

— Пока нет. Я пришла к тебе не как друг, с которым можно сразу перескочить два года.

— Это честно.

У дома Миры действительно было два входа. Один заложили досками, у второго над дверью висел старый колокольчик. На звонок никто не ответил. Мара вспомнила слова Сильвы и постучала по раме тяжёлой медной ручкой: три раза, с паузой. Внутри послышался скрип.

Открыла невысокая женщина с полоской ткани на пальце. Она не испугалась двух незнакомцев на пороге, но сразу прикрыла дверь так, чтобы не выпускать тепло.

— Вы с площади? — спросила она.

— Из городского сада. Мы проверяем северную линию. Сильва сказала, что вы живёте здесь и что до вас не дошла наша заявка.

Мира посмотрела на Арсена, затем на прибор в руках Мары.

— Я не просила делать заявку.

— Вам холодно?

— В мастерской холодно. В комнате пока можно работать, если надеть ещё одну кофту.

— Можно измерить? Вы не обязаны брать плиту или подписывать договор.

Мира отступила, пропуская их. У входа стояли стопки книг, закрытые тканью; на столе лежал разобранный переплёт. От холода клей схватился раньше, чем женщина успела выровнять корешок. Она показала его Маре с таким выражением, будто сама не решила, считать ли испорченную работу личной бедой или обычной платой за зиму.

— Это книга соседской девочки. Я обещала закончить сегодня.

Арсен проверил батарею, но не стал касаться вентиля без разрешения. Мира подала ему ветошь, чтобы не замочить пол. Показание в комнате оказалось выше, чем в Седьмом дворе, однако мастерская за тонкой перегородкой почти не прогревалась. Мара записала оба числа и попросила Миру подтвердить, что она их слышала.

— Зачем? — спросила та.

— Чтобы потом вы могли сказать, если я переписала неверно.

Мира надела очки, прочла запись и собственноручно поставила рядом небольшую галочку. Потом сняла с полки журнал в старом переплёте.

— Отец вёл заметки о доме. Не для суда и не для жалоб. Записывал, когда меняли трубы и у кого хранился ключ от подвала. Если это поможет, можно посмотреть. Но книгу я никому не отдам.

— И не нужно, — сказала Мара. — Можно переписать нужные строки, если вы разрешите.

— Разрешаю. При мне.

В журнале нашлась запись о ремонте десять лет назад и рисунок развилки: один отвод шёл к их дому, другой — к Седьмому двору. Мара сверила рисунок с городской картой. Ход линий совпадал, но на старой схеме стояла дополнительная отметка возле заслонки. Мира объяснила, что отец так обозначал места, где трубу открывали для промывки. Позже служба нашла акт: отметка относилась к прежней промывке и сама по себе не подтверждала действующий обход. Доказательством неисправности отметка не была, но она помогала найти старый люк, отсутствовавший на новой копии плана.

— Оригинал остаётся у вас, — сказала Мара, записав дату и страницу. — Я попрошу союз проверить, есть ли акт об этом ремонте.

Мира закрыла книгу и положила ладонь на обложку. Её пальцы были испачканы клеем.

— Если придут проверять, пусть сначала постучат. И пусть не говорят моим соседям, будто я жаловалась на них. Я просила только, чтобы зимой не лопнул переплёт.

Когда они вышли, Мара отметила адрес на схеме и показала Арсену запись. Он прочёл, но не стал фотографировать без согласия хозяйки. На их глазах дверь закрылась; за стеклом Мира уже снова склонилась над книгой.

— Ты умеешь не обещать того, чего пока не можешь сделать, — сказал Арсен.

— Учусь.

— Раньше тебе казалось, что ответ нужен сразу.

— Иногда до сих пор кажется. Особенно когда кто-то ждёт в холоде.

Он забрал у неё пустой футляр, прежде чем она успела возразить, и тут же вернул, заметив её взгляд.

— Прости. Спросить забыл.

— А если бы спросил, я бы сказала: да, пожалуйста.

Она снова передала ему футляр. Это вышло неловко, и именно поэтому Мара улыбнулась. Арсен ответил не сразу, но уголок его рта всё-таки дрогнул. Они дошли до садовых ворот. Арсен вспомнил, что копии журнала выдачи ограничителей остались в мастерской, и ушёл за папкой. Мара вернулась к столу дежурных. Тёплая комната переплётчицы не доказывала ни исправности сети, ни чьей-либо вины. Но дом больше не называли пустым.

Позже Арсен появился из-за ворот с папкой. Он видел конец разговора, но не спросил, о чём они говорили. Сначала положил на стол копию журнала выдачи ограничителей.

— Номер на диске принадлежит городской мастерской. Выдан три недели назад на ремонт западной ветви.

— Кто получил?

— Подпись неразборчива. Есть смена и номер распоряжения. Я запросил оригинал, но мастерская выдаст его только представителю союза.

— Сильва подпишет запрос.

— Она уже подписала.

Мара забрала копию и сверила строку с номером на пакете. Совпало. Арсен стоял рядом, держа руки в карманах. Она почувствовала желание оправдаться за брошюру Ведена, хотя он не задавал вопросов. Это желание разозлило её: два года назад она не смогла защитить его, а теперь опасалась, что он решит о ней что-то плохое по одному разговору.

За воротами прогремели колёса. На площадку перед садом въехала низкая повозка с деревянной рамой, обтянутой белой тканью. За ней шли двое мужчин и женщина с охапкой тонких реек. Один из мужчин заметил людей у входа и поднял руку:

— Мы не опоздали?

Сильва посмотрела на него с таким выражением, словно пыталась вспомнить название давно прочитанной книги.

— Яромир? Я думала, вы приедете завтра.

— Завтра — в дом восстановления. А сегодня просили испытать экран здесь. Лампы у них слабее наших, и мы хотели понять, будут ли видны тени.

Яромир наклонился, чтобы снять колпак с лицевой стороны повозки. Мужчина держал в руках деревянную фигурку птицы. Один её сустав был заменён светлой деталью, не успевшей потемнеть от времени.

— Мы решили сыграть не музыку, а историю, — объяснил он. — Голоса слышны даже тем, кто не видит экран. А тени можно рассмотреть с дальнего конца зала.

— Кто вас просил? — спросила Сильва.

— Администратор дома восстановления. Она сказала, что в саду вечером мало посетителей и можно ненадолго занять проход у западной стены.

Сильва посмотрела на людей у ворот. Их действительно стало меньше, но внутри оставались дежурные, а снаружи ждали ответа те, чьи заявления ещё не успели принять. Занять проход экраном означало заставить всех обходить тележку по скользкой дорожке.

— Нельзя у западной стены, — сказала она. — Там теперь аварийный проход. Но можно на площадке возле рынка, если вы не перекроете вход в пекарню.

Женщина с рейками заметно расстроилась.

— Мы сначала хотели туда. Но на рынке за место просят плату, а у нас выступление бесплатное.

— Не весь рынок платный, — сказала Мара. — Площадка у старой арки принадлежит городу. Там можно стоять до вечерней уборки.

— Мы проверяли, — ответил Яромир. — Сегодня там должны ставить витрину для частного резерва.

Мара вспомнила Ведена и его брошюры. Никакого запрета на рекламную витрину на городской площадке не существовало, если организаторы получили разрешение. Садовники не могли вытеснить её только потому, что им не нравились условия продажи. Но городская площадь была достаточно большой для двух вещей, если обе стороны согласны уступить немного места.

— Покажите, где именно обещали поставить витрину, — сказала она.

Арсен поднял взгляд от папки.

— Я тоже пойду. Мне всё равно нужно к мастерской.

Их путь лежал в разные стороны, и Мара это знала. Она не стала уточнять при всех, почему он вдруг выбрал дорогу через рынок. В этот момент ей было важнее, что рядом окажется человек, который умеет смотреть на расстояние не только как на линию на плане.

Они покатили повозку обратно. Белая ткань на раме вздувалась от ветра, как парус. Женщина с рейками — её звали Седа — шла рядом и придерживала край. Прохожий с камерой предложил помочь, но предупредил, что у него занята одна рука: он нёс чехол с оборудованием.

— Тогда возьмите птицу, — сказала Седа. — Она лёгкая, но очень требовательная.

— Как её зовут?

— Пока никак. Яромир считает, что имя должно появиться во время спектакля.

— А вы?

— Я считаю, что его нужно было придумать до печати программы.

Яромир оглянулся:

— Мне тоже приятно видеть тебя бодрой.

У арки уже стояла прозрачная витрина. Внутри находилась небольшая металлическая ячейка, подобная тем, что предлагала корпорация Ведена. На табличке крупно написали: «Тепло, которое остаётся». Рядом человек в сером пальто укреплял на стойке лампу. Он представился Реном и сказал, что работает в службе демонстраций корпорации.

— Нам обещали всю площадку, — сообщил он после слов Седы. — Я привёз оборудование один. Если его переставлять, придётся ждать ещё человека.

— А если оставить витрину на месте и немного повернуть экран? — спросил Арсен.

Рен оглядел проход.

— Люди не увидят табличку.

— Увидят с другой стороны площади.

— Тогда очередь у входа в пекарню перекроет её раньше, чем люди с другой стороны подойдут.

Мара собиралась предложить сдвинуть саму табличку, но Яромир опередил её:

— Мы сыграем три минуты и уйдём. Вам не нужно переставлять витрину на весь вечер.

— Три минуты на игру, десять на подготовку и ещё десять вы будете искать, куда положили коробку, — сказала Седа.

— Я всегда знаю, куда положил коробку.

— В прошлый раз мы искали её под твоим стулом.

— И нашли.

Их спор был дружеским, но время уходило. Рен проверил крепление лампы. Он не пытался отогнать артистов; просто отвечал за витрину и не хотел по собственной инициативе нарушать место, указанное организаторами. Мара увидела, как Арсен смотрит на пространство между аркой и углом пекарни.

— Что? — спросила она.

— Если экран повернуть туда, светить можно не с площади, а из-под арки. Рену не придётся двигать ячейку. Но людям с дальнего края будет видна обратная сторона ткани.

— Можно сыграть с двух сторон, — сказала Седа. — Только птица тогда полетит в обратную сторону для половины зрителей.

— Птицы не подписывали договор летать по одному маршруту, — заметил оператор.

Рен не улыбнулся, но внимательно посмотрел на пустое место у арки. Попросил не ставить стойку вплотную к его лампе: кабель от неё лежал вдоль стены. Арсен помог перенести экран, а Мара с Седой закрепили нижние края ткани, чтобы ветер не разворачивал её к зрителям целиком. Яромир снял с повозки коробку с фигурками. Она действительно оказалась под его стулом.

— Я знал, где она, — сказал он.

— Ты только что спросил, куда мы её положили, — напомнила Седа.

— Я проверял, помнишь ли ты.

Люди начали останавливаться ещё до начала. Кто-то подходил к витрине, рассматривал ячейку и задавал Рену вопросы о стоимости. Кто-то вставал у экрана. Между двумя небольшими группами оставался проход; Мара проследила, чтобы к двери пекарни можно было подойти с обеих сторон.

Когда всё было готово, выяснилось, что лампа Яромира горит слабее, чем нужно. Он принёс переносной источник света, рассчитанный на небольшой зал дома восстановления, а на площади ещё не стало совсем темно. Тени птицы и дерева проявлялись на ткани, но лица фигурок терялись.

— Можно подождать, — сказала Мара.

— Тогда мы не успеем к вечерней уборке.

Рен посмотрел на свою лампу, потом на экран.

— Я могу дать вам другую. Но от неё нагревается корпус; поставьте на камень, не на ткань.

Яромир принял предложение и попросил сначала показать, как выключить лампу. Рен объяснил. Ная, проходившая мимо с инструментальным ящиком, проверила провод и подвинула стойку так, чтобы её не задели прохожие.

— Взамен вы расскажете, сколько этот прибор расходует, — сказала она Рену.

— Расскажу после представления.

— Договорились. Но цифры я проверю.

Первые тени на ткани были слишком резкими: птица казалась большой и угловатой, дерево — маленьким. Седа переставила фигурку ближе к экрану, и размеры изменились. Яромир встал за тканью с другой стороны. Арсен придерживал стойку, пока они искали положение, при котором ветер не сбивал изображение.

— Ты не обязан стоять здесь всё представление, — сказала ему Мара.

— Я знаю.

— Ты хотел к мастерской.

— Захочу и через три минуты.

Он посмотрел на неё, потом на экран.

— Если только представление действительно продлится три минуты.

— Яромир сказал.

— Это не измерение.

Она засмеялась. В последние дни ей не хватало именно этого — коротких фраз, которые не обязаны немедленно решать всё, что случилось между ними. Улыбка Арсена исчезла не сразу. Он передвинул руку по стойке выше, освобождая ей место, и Мара взялась за нижний край.

Седа начала рассказывать. История была очень простой: птица искала место, где можно переждать длинную ночь. Сначала она прилетела к горе, но ветер сдувал с камней всё, что там оставляли. Потом — к дому с закрытыми ставнями, однако хозяин боялся пустить внутрь незнакомца. Наконец она нашла башню, в которой уже жили другие птицы, и обнаружила, что места хватает, если каждая сдвинется чуть ближе к соседке.

— Слишком легко, — тихо сказал человек у витрины.

— Подождите, — ответил кто-то рядом. — Они ещё не пытались сесть.

На экране птицы действительно принялись спорить. Одна не хотела освобождать место у окна, другая боялась потерять собственное гнездо, третья убеждала всех, что ветра ночью не будет. Седа говорила за них разными голосами. Яромир двигал фигурки так, что один силуэт всё время оказывался за спиной другого и снова пытался выйти к свету.

Мара почувствовала, как зрители рядом начали подсказывать. Женщина в тёмной шали предложила птице сдвинуть гнездо выше. Мужчина возразил, что тогда той, что сидит внизу,

на голову посыпятся ветки. Кто-то рассмеялся. Никто не требовал тишины: Седа явно строила спектакль так, чтобы подсказки могли менять порядок действий.

— В прошлый раз они договорились быстрее, — заметил Яромир.

— В прошлый раз у них было больше места, — ответила Седа.

Птица, прилетевшая последней, не стала занимать чужое гнездо. Она предложила принести ветки и построить выступ снаружи башни. Другая возразила, что на выступе будет слишком холодно. Третья предложила перевязать новый выступ старым канатом и оставить окно открытым — не чтобы тепло само собой стало больше, а чтобы птицы могли по очереди перемещаться внутрь.

— Это на одну ночь, — предупредила Седа голосом старой птицы. — Завтра придётся придумать, что делать дальше.

— Зато сегодня никто не останется один, — ответил Яромир голосом той, что прилетела последней.

На этом история должна была закончиться. Но женщина в шали спросила:

— А кто решит, кого пустить внутрь первым?

Седа повернулась к ней поверх экрана.

— А вы как думаете?

— Сначала тех, кто слабее.

— А если слабая птица скажет, что ей не нужна помощь?

— Тогда спросить, что ей нужно.

Мара посмотрела на Арсена. Он тоже смотрел на неё. Вопрос, который они не раз обходили стороной, вдруг прозвучал из уст незнакомой женщины и стал проще произнести — хотя ответить на него легче не было.

— Три минуты, — напомнил Рен, глядя на часы.

— Мы уже обсуждаем завтрашнюю ночь, — сказала Седа. — Значит, представление закончилось.

Люди засмеялись и захлопали. Оператор вернул деревянную птицу, которую так и держал за спиной. Теперь он спросил, можно ли показать небольшой фрагмент в вечернем эфире. Седа ответила, что согласна, если он предупредит: решение птиц временное, а лампа освещала ткань, не нагревала городскую сеть.

— Мы не обещаем светить всем домам от этого прибора, — сказал Рен. — Ячейки рассчитаны иначе.

— Хорошо, — ответил фотограф. — Тогда и в снимке не стану создавать такое впечатление.

Рен помог выключить лампу. Вместо того чтобы тут же убрать её в витрину, он показал Нае шкалу расхода и назвал условия демонстрации. Она проверила значения и записала номер модели. Мара увидела, что несколько человек подошли к ним с вопросами, но никто не начал перепалку: между представлением и покупкой ячейки оставалось право подумать.

Седа и Яромир разобрали экран. Ткань сложили вчетверо, птицу положили в коробку. Мара потянулась к стойке, но Арсен уже держал её с другой стороны. На секунду они оказались очень близко, разделённые только тонкой рейкой.

— Кто из нас отпустит первым? — спросила она.

— Ты. Я ещё держу вес.

— Ты уверен?

— Нет. Поэтому говорю заранее.

Она медленно убрала пальцы. Стойка осталась в его руках. Арсен опустил её на повозку, и Мара накрыла тканью острые края. Он задержался рядом, пока Яромир обсуждал с Реном, можно ли завтра взять лампу для дома восстановления на тех же условиях.

— Что тебе не понравилось в истории? — спросила Мара.

— Кто сказал, что мне не понравилось?

— Ты нахмурился, когда они строили выступ.

— Я подумал, что канат должен быть закреплён по-другому. Потом вспомнил, что это театр, а не инструкция.

— Ты мог сказать им после.

— И стать человеком, который портит спектакль замечаниями о канате?

— Можно сказать так, чтобы не портить.

Он посмотрел на неё чуть внимательнее.

— Ты об этом знаешь?

— Иногда. И иногда делаю наоборот.

Её хотелось коснуться его руки — не потому, что от этого станет проще, а потому что она помнила, как легко когда-то они стояли рядом. Но вместо привычного движения она спросила:

— Можно помочь тебе донести стойку?

— Можно. А ты сама этого хочешь или уже собиралась уходить?

— Хочу.

Ответ прозвучал тише, чем она рассчитывала. Он принял его так же спокойно, как принял бы согласие на любую общую работу, но в глазах у него мелькнуло что-то тёплое. Вместе они донесли стойку до повозки. Яромир закрепил её ремнём, затем предложил Маре и Арсену прийти завтра в дом восстановления.

— Не обещаю, — сказала Мара. — У нас проверка линии.

— Тогда я сохраню для вас место, которое смогу отдать другим, если не придёте. Это не обида. Это хороший зал.

— Договорились, — ответил Арсен.

Когда повозка уехала, Рен начал разбирать витрину. Мара поблагодарила его за лампу. Он пожал плечами:

— Мне было выгодно, чтобы люди не решили, что я прогнал артистов.

— И всё же вы помогли.

— Можно считать, что у поступка бывает несколько причин.

Он сказал это так просто, что ей стало неловко за собственную готовность искать в каждом представителе корпорации только одну. Рен не принимал решений о цене резервов и не устанавливал ограничители на линии. Он показал, как включить лампу, и не стал выдавать её свет за тепло для всего города. Эти факты стоили того, чтобы сохранить их отдельно от подозрений о его работодателе.

До вечера оставалось немного. Ная ушла в мастерскую с номером модели, фотограф — домой, а Мара вспомнила, что до сих пор держит папку со схемой. Арсен забрал у Рена последнюю стойку и попросил дежурного помочь отнести её под крышу.

— Нам ещё нужно закончить дежурство, — сказала Мара.

Арсен кивнул. Они вернулись к саду. У стола людей стало меньше; Сильва уже закрывала пустые графы, чтобы никто не мог вписать адрес задним числом. Мара положила папку с копией журнала рядом с брошюрой Ведена. Она всё ещё не знала, что Арсен думает о предложении частного резерва, и не хотела угадывать за него.

— Ты можешь сказать, что думаешь, — произнесла она.

— О чём?

— О предложении Ведена. Ты видел нас.

— Видел. Не слышал.

— Это резерв для северного квартала. Дорогой. Условия неполные.

— Тогда сначала нужны полные.

Она рассмеялась без веселья.

— Ты всегда умеешь сделать всё простым одной фразой.

— Нет. Я умею не подписывать то, что не прочитал.

В очереди наступила тишина. Мара почувствовала, как кровь приливает к лицу. Человек у дверей сделал вид, что поправляет шарф. Арсен сам будто удивился тому, что сказал. Он не извинился немедленно, и она была ему за это почти благодарна: извинение при свидетелях прозвучало бы как просьба избавить его от вины за грубость.

— Продолжим после дежурства, — сказала она.

— Хорошо.

Он вышел во двор. Мара приняла ещё семь заявок, выдала четыре переносные плиты по распоряжению Сильвы и объяснила пожилому садовнику, почему его домашнее растение нельзя ставить на раскалённый металл. Каждое действие занимало руки и не занимало мыслей. Когда очередь закончилась, она нашла Арсена у теплового коллектора.

— Я подписала отчёт, не проверив последнюю страницу, — сказала она. — Мне дали его за несколько минут до заседания. Я знала свои измерения, они были верны. Я не заметила, что рядом добавили общий вывод.

— Я читал твоё объяснение.

— Комиссия отказалась его приобщить.

— Мне отдали копию позже.

— И ты решил, что я лгу.

— Я решил, что ты не пришла, когда меня отстранили.

Мара открыла рот и закрыла снова. Она собиралась сказать: меня не пустили в зал. Это тоже было правдой, но не всей. После собрания она видела его у выхода. Он стоял с коробкой вещей, а она свернула в другой коридор, потому что не знала, как смотреть ему в лицо.

— Я могла подойти после, — сказала она. — Не подошла.

Он опёрся ладонью о медную трубу. Та была ещё тёплой.

— Мне нужны были не извинения при комиссии. Мне нужно было знать, что ты понимаешь, что произошло.

— Я понимаю не всё. Хочу понять остальное.

Он помолчал. За стеклом дежурный закрывал ставни от ветра.

— Тогда начнём с этого года, — сказал Арсен. — Ограничитель поставили не там, куда его выдали. И сад потерял больше, чем пришло в дома. Сравним обе цепочки. Только по записям, которые сможем проверить.

— Вместе?

— Пока это работа. Не проси от меня большего сегодня.

— Не буду.

Она сказала это честно, хотя уже чувствовала: рядом с ним ей будет труднее хранить привычное расстояние. Не потому, что он смягчился. Потому что, несмотря на всё, он снова предложил ей смотреть на одну и ту же задачу.

У ворот сада их ждал человек с узкой тележкой. На тележке стояли три закрытых чехла и длинный футляр, перевязанный шнуром. Хозяин, молодой мужчина с перевязанным большим пальцем, пытался протолкнуть её через турникет и сердито шептал что-то колесу.

— Там есть боковая калитка, — сказала Мара.

— Закрыта.

— Не должна быть.

Она попробовала ручку. Замок действительно не поддавался. Ключ у Мары был, но в скважине что-то застряло. Она достала фонарь и увидела тонкий блестящий обломок.

— Ключ сломался, — сказала она.

— Не мой. Я пришёл и обнаружил.

На внутренней стороне калитки шевельнулась тень. Кто-то окликнул их, но слова заглушил ветер. Арсен подошёл к решётке и приподнял фонарь. За ней стояла пожилая женщина в жилете смотрителя.

— Я могу открыть с этой стороны, — сказала она. — Только засов заклинило.

— Вы одна там? — спросила Мара.

— Пока да. Но вскоре это станет настоящей бедой для тишины.

Тарна отвечала за вечерние часы в саду, когда посетителей уже не пускали к грядам, зато могли разрешить небольшие собрания в западной галерее. Сегодня городские музыканты устраивали там репетицию: зал у площади закрыли для срочного ремонта, а на утро назначили выступление в доме восстановления.

— Я принесла ключи заранее, — объяснила Тарна, — но один сломался снаружи. Подумала, что вторая дверь откроется изнутри, и обошла здание. А засов застыл.

— Рядом есть главный вход, — сказал мужчина с тележкой.

— Есть. Только твой футляр в турникет не пройдёт.

Она была права: футляр оказался длиннее тележки. Музыкант представился Эриком, снял перчатку и попытался размять больной палец. Арсен присел у нижней петли калитки. Мара заметила, как его движения стали осторожнее: после работы на улице он берёг руки, хотя старался этого не показывать.

— Можно снять засов целиком, — сказал он. — Но если петля повредилась, потом нам потребуется временное крепление.

— Снимите, — ответила Тарна. — Я останусь здесь, пока не починят.

— Вам не придётся стоять всю ночь. Можно перетянуть створку изнутри и повесить знак, что калитка не работает.

Он достал короткий ключ. Металл у крепления был покрыт краской, под которой пряталась ржавчина. Арсен попросил Мару посветить с другой стороны. Она обошла решётку и услышала от Тарны тихое:

— Это он?

— Кто?

— Инженер Рейн. Я видела его здесь ещё до того дела.

Мара не стала уточнять, что именно Тарна слышала о комиссии. В городе любая история обрастала словами людей, которых не было в комнате. Тарна, словно догадавшись о её мысли, добавила:

— Я не собираюсь спрашивать подробности. Просто не знала, что он вернулся.

— На временную работу, — сказала Мара.

— Временному человеку достанется постоянный засов. Несправедливо.

Эрик рассмеялся, а Арсен, не поднимая головы, ответил:

— Я слышу вас.

— Отлично. Значит, петля ещё не успела тебя оглушить.

Крепление поддалось со вторым поворотом ключа. Засов сняли, калитка открылась внутрь. Эрик провёз тележку по дорожке, избегая края гряд. Пока он разгружал футляры, Арсен подвязал створку к стойке и поставил перед ней пустой ящик. Мара помогла Тарне донести два чехла до западной галереи.

Внутри пахло деревом, пылью и сырой шерстью. На высоких полках под тканью хранились садовые фонари и складные скамьи. В дальнем конце галереи виднелась закрытая стеклянная стена; за ней в темноте слабо светились кристаллические чашечки, оставшиеся после дневного накопления. Музыканты не могли рассчитывать на это тепло для репетиции: галерея входила в общий график, и после закрытия сада температуру здесь поддерживали только на уровне, достаточном для сохранности инструментов.

Эрик открыл футляр. Внутри лежал длинный струнный инструмент с тёмным деревянным корпусом. По форме он напоминал лодку, которую поставили на ребро. Арсен задержался у двери.

— Ты играешь на береговой виоле? — спросил он.

— Уже нет, — сказал Эрик. — Теперь я чаще бегаю с ней по городу и прошу помещения. Но завтра придётся вспомнить, как играть.

— Почему завтра?

— В доме восстановления отменили общий обед. Люди там рассчитывали, что после него будет выступление, и решили, что выступление тоже отменили. Директор попросила нас приехать в любом случае.

Мара посмотрела на его перевязанный палец.

— Он не помешает?

— Если я скажу «нет», меня немедленно попросят показать. Если «да» — решат, что лучше отменить. Поэтому я отвечу: попробую и сообщу остальным, если не получится.

Он достал инструмент и осторожно провёл ладонью по струнам, проверяя натяжение. Звук вышел сухой и почти неслышный. Тарна поставила у стены три складных стула. Ещё двоих музыкантов задержала очередь на мосту; Эрик не знал, успеют ли они до закрытия галереи.

Мара уже собиралась уходить, когда за стеклянной стеной появился человек в форме городской охраны. Он показал фонарём на дальнюю дверь и поднял руку, требуя внимания.

— Галерею нужно закрыть, — сказал он, когда Тарна открыла внутреннюю створку. — Пришло сообщение о ночной проверке восточной части сада. Посетители не должны оставаться за ограждением.

— Но проверка на востоке, а мы на западе, — заметила Тарна.

— Мне передали закрыть весь сад.

— Кто передал?

— Дежурный союза.

Мара знала сегодняшнего дежурного. Она попросила охранника назвать время звонка. Тот ответил без раздражения: десять минут назад, через центральную стойку. Он не видел самого дежурного и не мог сказать, кто именно передал распоряжение.

Эрик посмотрел на инструмент. На то, чтобы снова уложить его в футляр, требовалось несколько минут, а на перенос в другое место — больше, чем оставалось до комендантского часа в доме восстановления. Утреннее выступление могло сорваться не из-за злого умысла, а из-за того, что люди получили распоряжение разной степени точности и побоялись от него отступить.

— Я уточню на стойке, — сказала Мара.

— А я пока приготовлю футляр, — ответил Эрик. — Если нельзя, мы уйдём.

В этом было что-то такое же осторожное, как в вопросах Седьмого двора: никто больше не хотел спорить с теми, от кого зависела возможность оставаться в тепле. Мара вышла в коридор и побежала к главному входу. Она не закрыла за собой внутреннюю дверь до конца; Арсен догнал её и придержал створку.

— Я пойду с тобой. Если проверка связана с каналами, мне надо знать, какие участки перекрывают.

— А калитка?

— Тарна останется рядом. Она уже позвала дежурного с запасным ключом.

Они прошли через тёмный переход. Под ногами похрустывал сухой песок, которым посыпали плитку после дождя. Мара бежала быстрее, чем следовало; сумка ударялась о бок. На повороте она поскользнулась и успела ухватиться за перила. Арсен поддержал её за локоть, но тут же ослабил руку, чтобы она могла сама выровняться.

— Спасибо.

— Нам не нужно добраться туда на минуту раньше ценой твоей ноги.

— Мне всё время кажется, что нужно.

— Я знаю.

Это «знаю» прозвучало не упрёком. И всё-таки она вспомнила день комиссии: тогда спешка тоже казалась уважительной причиной не проверять лишнего. Мара поправила ремень сумки и дальше пошла быстрым шагом.

На центральной стойке дежурный Севан разговаривал с женщиной в длинном плаще. Он объяснял, что разрешение на вечернюю репетицию действительно действует, если музыканты остаются в западной галерее и не проходят к восточным рядам. Женщина с раздражением сняла перчатки.

— Я так и передала, — сказала она, увидев Мару. — Но охрана услышала только первую часть: «восточная проверка». Остальное, похоже, потерялось в коридоре.

— Как вы передавали? — спросил Арсен.

— Через внутреннюю трубку. Там шумит, когда работает насос.

Севан повторил распоряжение по внутренней связи, на этот раз медленно. Охранник попросил назвать его ещё раз и сам воспроизвёл: проверка восточной части; западная галерея открыта для зарегистрированной репетиции; доступ к рядам закрыт. Только после этого Севан положил трубку.

— Я мог сразу попросить повторить, — сказал он.

— Вы могли. Охранник тоже, — ответила женщина. — А мы могли написать это на одном листе, а не сообщать в шумную трубку.

Она не искала виновного. Выяснилось, что из-за аварийного осмотра часть каналов переводят на ручной режим и в сад прибыла бригада союза. Галерею закрывать не требовалось; нужно было лишь освободить восточный проход. Арсен попросил показать, кто руководит проверкой, но Севан сказал, что мастер ещё не приехал.

Когда они вернулись, Эрик сидел на ящике с инструментом в руках. Он не убрал его в футляр и теперь смотрел, как Тарна переставляет стулья ближе к двери.

— Нас выгоняют? — спросил он.

— Нет. Западная галерея открыта до девяти. В восточные ряды не входить, там проверка.

— Хорошо. А если остальные музыканты не придут, у меня будет концерт для ящиков и двух слушателей.

— Трёх, — сказала Тарна. — Я ведь тоже никуда не денусь.

Они уже собирались уйти, когда в калитку постучали. Пришли оставшиеся музыканты: женщина со свёрнутым тканевым футляром и высокий мужчина, на плече которого висела коробка с маленькими металлическими пластинами. Они запыхались, потому что тащили коробку в обход через площадь.

— Мост расчистили? — спросила Мара.

— Телегу убрали, но потом кто-то решил поставить луну обратно лицом к дороге, — сказала женщина. — Лошадь снова испугалась. Мы помогли закрыть её тканью.

Мара рассмеялась. Она узнала бы расписную луну и без подробностей.

Тарна предложила им оставить инструменты у стены, пока все согреют пальцы. Музыканты согласились начать с тихой части: если звук в галерее отражается слишком резко, в доме восстановления его можно будет смягчить тканевыми экранами. Эрик сел на край стула и положил инструмент на колени. Мужчина с пластинами попробовал одну из них: тонкий звук поднялся к крыше и постепенно растворился в тёмном стекле.

Мара остановилась у двери. Она никогда не слышала, чтобы музыку проверяли так же, как движение тепла: откуда идёт, во что ударяется, что теряет по дороге. Ноты перетекали из

одного угла в другой. За стеной один из кристаллов на ветру тихо коснулся соседнего. Получилось почти то же звучание, но чуть ниже.

— Не ожидала, что останусь слушать, — сказала она.

— Я тоже, — ответил Арсен.

Он стоял рядом, не слишком близко. Между ними помещался край дверного проёма, и Мара вдруг ощутила его как расстояние, которое можно сократить или сохранить. Два года назад она уверенно выбрала бы первое. Теперь любой шаг казался вопросом без права требовать ответа.

Эрик ошибся на длинной ноте и остановился. Женщина у окна не предложила сыграть за него. Она дождалась, пока он разомнёт руку, а потом спросила, нужно ли переставить партию. Эрик подумал и сказал, что да: первую фразу можно дать пластинам, а он вступит позже.

— Он мог скрыть, что рука болит, — сказала Мара.

— И сыграть хуже.

— Или вообще не сыграть, если станет хуже к утру.

Арсен посмотрел на неё.

— Иногда трудно признать ограничение при тех, кто от тебя зависит.

— Ты сейчас о нём?

— И о себе тоже.

Она хотела спросить, как он справлялся два года без своей прежней работы. Вместо этого спросила:

— Завтра ты всё ещё собираешься проверять северную линию?

— Да. Сначала у дома восстановления, потом вернусь в сад. Если хочешь, можешь присоединиться.

— Хочу.

Слово прозвучало быстрее, чем она успела обдумать. Арсен не сделал вид, будто услышал в нём больше, чем приглашение к совместной работе. За это Мара была ему благодарна и немного на него рассердилась.

Музыканты начали сначала. Пластины взяли первую фразу, и виола вошла позже — глубоко, почти незаметно. У Мары возникло ощущение, что один голос освободил другому пространство, не уступая ему всю мелодию. Эрик улыбнулся женщине у окна; та продолжала считать такт, но на следующем повороте тоже улыбнулась.

Когда они закончили, Тарна попросила сыграть ещё раз для неё. Эрик ответил, что это нарушает строгие правила, которые он только что придумал. Затем всё-таки сыграл. Мара услышала, как он обходит больной палец, и поняла, что эта версия отличается от предыдущей. Ни одна не была простой заменой другой.

Выйдя из галереи, они с Арсеном помогли перенести пустые футляры к стене. На улице снег перестал, но под сапогами сохранялась скользкая корка. У развилки дорог Арсен остановился.

— Мне в мастерскую. Там обещали подобрать второй прибор.

— А мне домой. Завтра Сильва велит прийти до рассвета, если я не приду сама.

Он кивнул. Мара сделала шаг к своей улице, затем обернулась.

— Арсен. Я рада, что ты вернулся в город.

Он не ответил сразу. Она увидела, как он сжал ручку футляра; на коже у основания большого пальца осталась тёмная полоска смазки.

— Я пока не знаю, рад ли я, — сказал он наконец. — Но сегодня был день, ради которого стоило вернуться раньше, а не позже.

Это не было прощением и не обещало лёгкой работы. Мара позволила ему остаться просто ответом. Она пошла домой, слыша за спиной шаги Арсена, пока их дороги не разошлись.

В окнах домов отражались редкие огни. Где-то впереди по мосту ещё катились сани театра, и расписная луна под тканью, должно быть, больше не пугала лошадей.

Глава 4. когда меркнут кристаллы

Сад просыпался медленно. Кристаллические чашечки раскрывались только на свету, и в пасмурный день не стоило ждать от них прежней яркости. Мара проверяла листья по порядку: не по цвету, который мог обмануть, а по температуре у корня и скорости, с которой тепло уходило в коллектор.

Ная принесла ей инструментальный ящик раньше рассвета.

— Я пришла не помогать тебе, — объявила она. — Я пришла забрать свой ключ, который ты держишь уже три недели.

— Он у тебя в руке.

— Значит, цель достигнута. Теперь можно помочь.

Ная работала ремонтницей в городском союзе и считала все торжественные объявления неисправными механизмами: если они слишком громко звенят, стоит поискать ослабленный болт. Она заглянула в таблицу Мары и присвистнула.

— Утечка растёт?

— Не знаю. Потери по сравнению со вчерашним вечером больше, но нагрузка тоже изменилась. Нужны независимые измерения.

— Мне нравится, когда ты отвечаешь целым абзацем на вопрос из двух слов.

— А мне нравится, когда ты приносишь ключи.

Они работали у северной границы сада, пока Арсен проверял линии с другой стороны коллектора. Сильва настояла, чтобы показания снимали одновременно и подписывали два человека. Если ошибка была в приборе, это помогло бы её заметить. Если кто-то изменял записи — ему пришлось бы объяснить больше одного числа.

Первой опасность заметила не Мара, а старая садовая кошка. Она вскочила с тёплого ящика у печи, пробежала под столом и остановилась перед дверью северной галереи. Шерсть на её спине поднялась. Кошка не шипела; только смотрела вверх, туда, где под стеклянной крышей висели синие защитные полотна.

— У нас гости? — спросила Ная.

С потолка сорвалась капля. Она упала на край ящика и тут же покрылась белой коркой. Следом упала вторая.

Мара подняла лампу. На внутренней стороне стекла расползалась тонкая линия льда. Она шла не от наружного края, как после ночного холода, а от крепления защитного полотна. Под ним находился небольшой теплообменник, не связанный напрямую с корнями растений: по утрам он прогревал воздух, чтобы резкий мороз не повредил раскрывающиеся чашечки.

— Там давление пропало? — спросила Ная.

— Не знаю. Но воздух над грядой остывает быстрее, чем должен.

Она поставила термометр на край стола. За одну минуту столбик опустился на два деления. Если линия замёрзнет целиком, в ней может разорвать слабое соединение. Тогда они потеряют не только тепло, но и воду из контура, которую саду придётся заново нагревать за счёт и без того малого запаса.

— Я перекрою подачу к галерее, — сказала Ная. — Ты скажи, какие растения нужно вынести первыми.

— Не все выдержат перенос.

— Тогда скажи, какие выдержат.

Мара прошла вдоль гряды. Большие растения стояли на постоянных основаниях; их корни уже уходили в общий коллектор. Мелкие держали в отдельных керамических чашах, но некоторые за ночь так сильно раскрыли тонкие нити в нижнем песке, что резкое движение

повредило бы их. Ей хотелось взять первое, что попадётся под руку, просто чтобы начать. Вместо этого она присела и проверила крепление ближайшей чаши.

— Эти три можно вынести, — сказала она. — Потом маленькие у стены. Большие накроем.

Ная побежала к распределительному вентилю. На выходе едва не столкнулась с мальчиком из помощников, который вёз тележку с ящиками. Мара знала его по имени: Ивен приходил в сад третий месяц, изучал уход за растениями и всё время торопился доказать, что ему можно поручить что-то важнее мытья горшков.

— Поставь ящики у двери, — попросила Мара. — А потом приведи Сильву. Скажи, что мы перекрываем северную воздушную линию.

— Я могу помочь вынести растения.

— Можешь. После того как приведёшь Сильву.

Он помедлил — ровно настолько, чтобы показать, как ему не нравится задание, — и побежал. Мара положила ладонь на край чаши. Керамика была холодной снаружи, но под толстым слоем песка корни ещё сохраняли тепло. Она поддела основание деревянной лопаткой и медленно перенесла растение в ящик. Золотистые грани на листьях дрогнули, словно свет внутри колыхнула вода.

С дальнего конца галереи донёсся металлический щелчок. Ная стояла у вентиля, обеими руками удерживая рукоять.

— Не идёт!

Мара подошла, оставив ящик на полу.

— Не дави сильнее. Если сломаешь стержень, не перекроем совсем.

— Я хотела сказать то же самое этой рукояти.

На основании вентиля образовался тонкий ободок льда. Ная приложила к нему ладонь через ткань и сразу отдёрнула.

— Застыл. Вода внутри ещё должна двигаться, но металл уже прихватило.

— Можно нагреть снаружи?

— Можно. Только не кипятком. От резкого перепада треснет соединение.

Мара принесла два тканевых мешочка с тёплым песком, которыми садовники укрывали молодые побеги в холодные ночи. Они обернули основание вентиля. Ная присела рядом, наблюдая за каплями, которые проступали на металле. Мара вернулась к растениям. Над головой зашуршало полотно: ветер усилился, и одна из петель соскользнула с крепления.

Она подняла лестницу, но Ная окликнула её:

— Не одна. Там верхняя перекладина шатается.

— Если полотно упадёт на чашечки...

— Я вижу. Подожди, я закреплю низ.

Из коридора наконец донеслись шаги. Сильва пришла с Ивеном и ещё двумя садовниками. Она быстро осмотрела термометр, окна и вентиль, затем разделила работу: Ивену велела относить ящики, старшему садовнику — подготовить плотные покрывала, второй женщине — проследить, чтобы никто не открыл наружную дверь рядом с повреждённой линией.

— А ты? — спросила она Мару.

— На лестницу. Ная подстрахует.

Сильва посмотрела на верхнюю перекладину, потом на рассыпавшуюся ледяную крошку у основания.

— Только до третьей ступени. Дальше дотягивайся крюком.

Мара кивнула. Она знала, что Сильва не запрещает из осторожности ради осторожности. Два года назад один из хранителей упал в похожей спешке; тогда сад лишился помощника на всю зиму, а повреждённую крышу всё равно пришлось чинить на следующий день.

Лестницу поставили на сухой настил. Ная удерживала её снизу, прижав носком ботинка нижнюю перекладину. Мара поднялась, стараясь не касаться плечом подвешенных чаш. С третьей ступени до петли действительно можно было достать крюком — если вытянуть руку чуть дальше, чем было удобно. Полотно дёрнулось и хлестнуло её по запястью.

— Не тяни на себя, — сказала Ная. — Подними петлю снизу.

— Я вижу.

— Прекрасно. Я всё равно скажу.

Мара подцепила петлю. На мгновение ей показалось, что всё получилось; затем крепление провернулось и полотно пошло вниз. Она успела перехватить его крюком, но тяжёлая ткань потянула руку. Лестница скрипнула.

— Мара, отпусти, — сказала Сильва.

— Под ним растения.

— Мы их прикроем. Отпусти.

Внизу садовники уже растягивали покрывало. Мара разжала пальцы. Полотно упало, ударилось о ткань и сползло на пол, не задев кристаллические чашечки. Лестница осталась стоять. Ная выдохнула с таким выражением, будто собиралась сказать что-то очень резкое, но решила сохранить слова для более подходящего случая.

— Спасибо, — сказала Мара.

— Не мне. Сильва первая придумала положить покрывало.

— Я обеим.

Термометр продолжал опускаться. Вентиль наконец поддался, но Ная повернула его лишь наполовину: по трубе внутри ещё шла вода, и резкое перекрытие могло навредить соседнему участку. Сильва отправила Ивена за инженером. Тот вернулся быстрее, чем Мара рассчитывала, — вместе с Арсеном.

Он вошёл в галерею с заснеженными плечами и сразу остановился у двери, оценивая, где стоят люди и что уже сделано. Мара почувствовала неприятное желание первой объяснить каждую деталь: почему они не вынесли большие растения, почему полотно упало, почему вентиль закрыт лишь наполовину. Ещё до его вопроса ей хотелось защитить свои решения.

Арсен не спросил, кто виноват. Он посмотрел на мешочки с песком и сказал:

— Хорошо, что грели медленно. Ная, ты чувствуешь ход стержня?

— На половине идёт туго. Дальше боюсь сорвать.

— Значит, не будем торопиться. Мара, сколько у нас времени до опасной температуры для корней?

— Если ветер не усилится — около часа. Для чашечек меньше, но они под укрытием.

— Час — это с запасом?

— Нет. Это оценка по двум измерениям. Пока не знаю, как быстро остывает нижний слой.

Он кивнул, будто услышал именно то, что хотел: не успокаивающую цифру, а границу, за которой начиналось незнание.

Они поставили второй термометр у корней. Арсен попросил Ивена принести тонкий шланг и тёплую воду из соседнего контура. Не горячую — такую, которую можно спокойно держать в ладони. Воду пустили вокруг внешнего корпуса вентиля. Лёд отступал медленно. Ная попробовала повернуть рукоять ещё раз; на этот раз она сдвинулась на несколько пальцев.

— Кажется, идёт.

— Остановись, — сказал Арсен.

Он приложил ухо к трубе. Мара тоже услышала: в стене зашумело, как будто кто-то высыпал горсть мелких камней в жестяную банку. Затем шум оборвался.

— Что это? — спросил Ивен.

— Воздух или кусочки льда. Пока не знаю. Не стой под соединением.

Мальчик сделал шаг назад. Лицо у него было бледным, но он не пытался уйти. Сильва поручила ему следить за вторым термометром и называть числа вслух. Теперь у него появилось настоящее дело, и он выпрямился.

Мара понимала, что вентиль нужно закрыть, но закрытая линия не согреет воздух над грядой. Они выиграют время для ремонта ценой растений, которые останутся без мягкого утреннего тепла. Сильва уже подняла часть покрывала и проверяла, хватит ли ему ширины.

— Мы можем взять тепло из южного контура? — спросила Мара.

Арсен посмотрел на схему, прикреплённую у двери.

— Через переносной обменник. Но он рассчитан на помещение меньше этого. И южная гряда получит меньше в ближайшие часы.

— Там сильные растения. Я вчера измеряла запас.

— Сколько можно забрать без риска?

Она назвала число. Потом остановилась.

— Нет. Это если солнце выйдет к полудню. А я не знаю, выйдет ли. Возьми на треть меньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.